

ОЛЬГА
БЕЛОЗУБОВА

НЕВЕСТА
для
ГЕНЕРАЛЬНОГО

Ольга Белозубова

Невеста для генерального

<https://litres.ru/74212623>

Аннотация

Максим Рокотов — богатый, властный и циничный мужчина. Он хорош собой и умеет добиваться желаемого. Мечта многих, но не моя. Как по мне, он наглый самовлюбленный эгоист. И к женщинам относится строго потребительски. А еще он — генеральный директор компании, в которой я работаю. Я посмела ему отказать, чем разбудила в нем азарт хищника. Его напор раздражает и обескураживает. Он идет к своей цели напролом, но я не собираюсь становиться очередным трофеем. Неужели непонятно: мое нет значит нет. Что? Сопротивление бесполезно? Это мы еще посмотрим!

В тексте есть: #властный_герой; #фиктивные_отношения; #противостояние_характеров; #ХЭ гарантирован.

Содержание

Глава 1. Босс меня (не) выберет	4
Глава 2. Босс всё решил	16
Глава 3. Босс не любит ждать	24
Глава 4. Рабыню заказывали?	34
Глава 5. Уволил? Хуже!	41
Глава 6. Чужая среди своих	48
Глава 7. Если ты меня подставишь, то...	57
Глава 8. Я отшила босса (?)	62
Глава 9. Всё сложно (с)	66
Глава 10. Босс должен упасть в обморок от восторга	71
Глава 11. День подозрительных взглядов	78
Глава 12. Поклонник? Маньяк!	86
Глава 13. Ща всё будет	91
Глава 14. Кира перерожденная	97
Глава 15. Принц для Золушки	104
Глава 16. Дары данайцев	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Глава 1. Босс меня (не) выберет

Кира

— Хм... А что, в принципе, сойдешь, — слышу за спиной задумчивый голос начальницы. — Кира, пойдем со мной. Быстрее, времени нет.

Я застываю. В одной руке держу на весу практически пустую банку с кофе, во второй — ложку.

Потом до меня доходит смысл сказанного начальницей. Я недоуменно хлопаю ресницами. Что значит «в принципе, сойдешь»? Куда это я сойду? Для чего сойду?

И вообще, если уж на то пошло, меня тут быть не должно, ведь рабочий день закончился два часа назад.

Я печально вздыхаю. Что начальнице понадобилось от меня в такое время?

Хочется притвориться, что меня нет... Мимикрировать под стену. Жаль, не выйдет: на мне красная кофта. На фоне светло-бежевых стен офиса я смотрюсь ярким пятном.

— Ки-и-ира-а-а... — недовольно и будто бы нервно тянет начальница.

Щелк. Это выключается чайник, и я тоскливо смотрю на струю пара, что идет из его носика. Судя по всему, выпить кофе и спокойно разгрести накопившиеся бумаги мне не удастся.

Я с сожалением возвращаю банку с кофе на стол, разво-

рачиваюсь и надеваю на лицо дежурную улыбку.

— Да, Светлана Николаевна? Что случилось?

Мне не показалось: начальница явно нервничает. Вон как хмурится и прикусывает губу. А ведь она всегда предельно собрана и невозмутима.

Ее нервозность передается и мне. Да что произошло-то?

— Ничего такого, — машет она рукой с тонкими длинными пальцами, — тебе всего лишь нужно постоять с девочками-моделями в зале. Минут десять, ну, от силы двадцать. Пойдем, по пути все объясню.

До зала, где тренируются модели, идти несколько минут. Всего-то и нужно, что спуститься на этаж ниже.

Я не успеваю даже пикнуть, как Светлана Николаевна разворачивается, одергивая полы белого пиджака, и цокает шпильками по кафельному полу. За ней тянется шлейф ее любимых духов с жасмином.

— В общем, к нам вот-вот придет... — начинает она, но в это время звонит ее телефон, и она отвлекается.

Кто к нам придет? Жаль, она не успела договорить, остается только гадать.

Я нехотя спешу за начальницей и думаю о своем. Точнее о том, что инициатива явно наказуема. По крайней мере сегодня вечером. Не останься я в офисе, не топала бы сейчас за начальницей, не понимая, что к чему.

Те, кому есть для чего и к кому торопиться домой, разошлись.

Я бы и рада тоже спешить с работы домой, да не к кому. Мои последние двухлетние отношения бесславно закончились больше года назад, и с тех пор я одна.

Короче говоря, дома меня ждут только три кактуса, так что я частенько задерживаюсь, чтобы потрудиться в тишине.

В модельном агентстве, где я работаю офис-менеджером, днем шумно настолько, что я не слышу даже собственных мыслей. Вечер — самое спокойное время. Обычно.

За день я так набегалась с разными поручениями, что ноги гудят, но я послушно топаю за Светланой Николаевной. Кто я такая, чтобы отказывать начальству? Тем более что работаю тут всего два месяца.

Иду и пытаюсь понять, с какой такой целью мне надо стоять рядом с моделями. Светлана Николаевна это что, серьезно? Где я и где они?

Тем временем начальница кладет трубку и останавливается у дверей в зал так резко, что я за малым в нее не вписываюсь.

Она разворачивается ко мне и проникновенно смотрит в глаза.

— Кира, времени объяснять нет, Максим Романович уже подъезжает. Он попросил собрать в зале десять лучших моделей, и десятая застряла в пробке. Ты ведь знаешь, как он не любит, когда опаздывают и тем более когда не выполняют его приказы?

Я лишь округляю глаза. Вообще-то не знаю.

Но о генеральном директоре нашего модельного агентства ходит немало легенд. И сплетен. И слухов.

Мне пока не доводилось видеть его в офисе, потому что он решает все вопросы через заместителей, а сам появляется тут крайне редко.

Однако даже на фото он производит впечатление. Рокотов Максим Романович — высокий брюнет с темно-карими, почти черными глазами. Есть в нем что-то такое, хищное. Аж мурашки по коже, стоит только воскресить в памяти его образ.

Он — владелец и генеральный директор огромного холдинга «Империял». Зачем ему еще и наше модельное агентство, которое не входит в холдинг, — непонятно.

Однако причина сплетен вовсе не в его активах. О нет, она в его яркой личной жизни. Рокотов меняет женщин как перчатки, судя по таблоидам и офисным слухам. И в нашем агентстве многие активно по нему сохнут, желают стать очередной пассией.

Каждая из его женщин мечтает, что уж вот с ней-то он точно остепенится. Мечты, само собой, остаются мечтами.

Так, не о том я думаю. Интересно, для чего ему десять лучших моделей? Да еще и вживую? Может, хочет снять рекламу для холдинга? Да ну, стал бы он сам выбирать для этого моделей? Как обычно, поручил бы помощникам. Значит, дело в чем-то другом. Но в чем? Странно это все...

Внутри прочно поселяется ничем не необъяснимое чув-

ство грядущего звездца. Как будто моя жизнь вот-вот развернется на сто восемьдесят градусов.

Может, отказаться? Пусть Светлана Николаевна ищет другую жертву.

Только открываю рот, как она продолжает:

— Кира, у тебя нет выбора. Ты единственная, кто более-менее подходит. Ну не звать же мне Таисию Егоровну, в самом-то деле!

Ну да, Таисия Егоровна — наша уборщица, и ей почти шестьдесят.

— Зачем генеральному модели? — бурчу я прежде, чем успеваю подумать.

— Он передо мной не отчитывается, — суровеет Светлана Николаевна.

В ее ответе я слышу другой подтекст: «Не собираюсь перед тобой отчитываться».

— Разве я многого прошу? — замечает мое состояние она.

Ее тон едва уловимо меняется, становится более вежливым. Может, наконец-то вспомнила, что рабочий день давно закончился?

— Рокотов тебя и не заметит. Постой в уголке, и все. Иначе я потом не оберусь проблем. Я знаю, что ты ответственный работник и я могу положиться на тебя. Ведь могу?

Ну, если ставить вопрос именно так, то конечно.

Ее «не оберусь проблем» значит только одно: проблемы,

если что, будут не только у нее, но и у меня. Оказаться крайней мне совсем не хочется, так что я киваю.

— Вот и славно, — улыбается она. — Ну, иди.

Что ж, сосредоточусь на том, что исполню мечту многих, пусть и не свою: увижу Максима Романовича. Посмотрим, что он представляет собой не на фото, а в жизни.

В конце концов, Светлана Николаевна права: наш генеральный меня и не заметит.

Начальница открывает дверь в зал и подталкивает меня в спину так, что я спотыкаюсь о невысокий порог и едва не падаю, влетая внутрь.

Мое эффектное появление замечают все присутствующие. Гул в зале мгновенно стихает, и на меня устремляются девять пар глаз.

Девять пар офигенски красивых глаз. У меня захватывает дыхание, а ведь я не мужчина. Каждая из стоящих тут девушек — образец красоты и уверенности в себе. И каждая из них — в полной боевой готовности. Укладка, макияж, подчеркивающие фигуру наряды и высокие каблуки.

Я опускаю взгляд на свою яркую, но скромного покроя кофту, джинсовую юбку почти до колена и белые кроссовки на платформе. М-да... Впору закаркать — я точно белая ворона среди них.

Да и старовата я, по сравнению с девчонками. Мне уже двадцать четыре. Для моделей едва ли не пенсионный возраст.

К тому же во мне всего сто шестьдесят сантиметров, у меня светло-каштановые волосы и непонятного цвета глаза: серо-зеленые, с вкраплением коричневого. Короче, ни разу не модель. Зато работающая.

Ладно, спрячусь за какой-нибудь из девушек. Начальство нужно выручать. Потом, может, премию выдадут, а она мне точно не будет лишней: на лекарства маме уходит куча денег.

Здоровуюсь со всеми и получаю в ответ нестройный хор голосов. Иду в конец зала и подпираю собой стену.

Девчонки снова разбиваются по кучкам, и мне остается лишь наблюдать за ними.

Через пару минут начинает трещать голова. Помещение не очень большое, и каждая из моделей, разумеется, надушилась. И вот теперь все эти ароматы, наверняка классные сами по себе, смешались в один, и я болезненно морщусь.

Холодный поток из системы вентиляции совсем не помогает очистить воздух от запахов. Зато меня слегка морозит, и я ежусь. То ли тут действительно прохладно, то ли это нервное. Скорее второе, потому что морозит, похоже, только меня.

А все же интересно, для чего Рокотову понадобились эти модели?

Смотрю на них, и у каждой на лице написано: «Я с радостью закручу недолгий роман с генеральным». Недолгий, ведь других у Максима Романовича не бывает.

В лучшем случае, по рассказам местных сплетниц, это бу-

дет пара недель встреч, несколько презентов на память, и адье, ма шери. То есть «прощай, дорогуша».

Кому как, а мне такой формат отношений не нравится от слова совсем.

Додумать эту мысль я уже не успеваю, потому что дверь резко открывается, и внутрь уверенно заходит он. Максим Рокотов. За ним семенит высокая красивая брюнетка в строгом костюме.

Мать моя женщина... На мгновение у меня перехватывает дыхание, я громко сглатываю, и меня всю обносит мурашками. Кажется, я даже приоткрываю рот.

О-фи-геть...

Что я могу сказать? Фотографии совсем не передают действительности. Роскошный мужчина. Стильный, высокий, широкоплечий. Холеный. И пусть он в синем пиджаке, все равно видно, что мускулистый и спортивный. На левой руке поблескивает золотом браслет массивных дорогих часов.

Ко всему этому прилагается стильная стрижка, прямой подбородок и прямой нос. Ухоженная щетина.

У него поза хозяина жизни. От Рокотова веет уверенностью, решительностью, властью и силой.

Все портит взгляд. Жесткий, пронизательный, оценивающий. Холодный. Никакого намека на улыбку. Мне становится не по себе. Не дай бог такому перейти дорогу... Сразу понимаю, как он достиг такого ошеломительного успеха.

— Добрый вечер, — басит Рокотов, слегка прищуривает-

ся и скользит взглядом по моделям.

Все девушки, как одна, резко подбираются и приосаниваются. Кроме меня.

В зале воцаряется тягучая тишина.

Я громко сглатываю и цепенею. Сердце бешено бьется и замирает в ту секунду, когда он все-таки переводит взгляд на меня. Мои глаза округляются сами собой, и меня бросает в дрожь. Это даже не взгляд, это самый настоящий рентген.

Рокотов смотрит снизу вверх, на секунду задерживается на моем лице. Ему бы в покер играть — на лице ни намека на эмоции.

Фу-у-ух... Наконец-то он отворачивается, снова проходит-ся взглядом по остальным моделям. Кажется, пронесло.

Только я собираюсь выдохнуть, как он в полной тишине обращается к той женщине, что пришла с ним:

— Я выбираю эту.

И указывает на меня.

— Ирина, согласуй все моменты, — добавляет Рокотов.

Он больше не смотрит ни на меня, ни на остальных моделей и исчезает так же быстро, как и появляется. Даже не прощается. Ну да, о чем это я: поздоровался, и хватит.

Все девочки разом поворачиваются ко мне.

Недоумевают они, недоумевают помощница генерального, но больше всех выбором Максима Романовича шокирована я сама.

Это что такое только что произошло? Почему он выбрал

меня? И... для чего? Ни слова ведь не сказал!

И снова в зале тишина. Только теперь она какая-то... зло-вещая.

— Девушки, благодарю за участие, вы можете идти, — кивает на выход Ирина. — А вас я попрошу задержаться.

Это она уже мне.

Я тяжело вздыхаю и жду, пока в зале останемся только мы с помощницей Рокотова.

Не нужно быть экстрасенсом, чтобы почувствовать смесь изумления, зависти, а где-то даже и неприкрытой злобы, что исходит от большинства моделей. Их взгляды, которыми они награждают меня на прощание, говорят о многом.

Вот только этого мне не хватало! Если до сегодняшнего вечера девочки были настроены ко мне доброжелательно, то чего ждать теперь — бабка надвое сказала. А мне, вообще-то, еще работать с ними.

— Как вас зовут? — обращается ко мне Ирина, смягчая свой строгий тон подобием улыбки.

— К-кира. — Голос дрожит от переполняющих меня эмоций.

— Вы, наверное, хотите знать, для чего вас сегодня собрал Максим Романович?

Еще бы! Киваю.

— Все просто. Ему нужна модель для съемок.

Фух. Только сейчас выдыхаю. Признаться честно, меня

ведь посещали дурные мыслишки насчет мотивов Рокотова. В какой-то момент я даже решила, что он подыскивает себе девицу на вечер.

С плеч будто сваливается гора.

А потом до меня доходит: съемки? Модель? Э-э-э... Ну какая из меня модель? Какие съемки? Я не умею позировать, держаться перед камерой, правильно ходить. Да я вообще в этом ничего не смыслю!

— Кира, я хочу, чтобы вы понимали: эти съемки очень важны для Максима Романовича, — добивает меня Ирина. — Мы планируем справиться за несколько недель. Нужно будет рекламировать продукцию нашей компании, технику для дома, если точнее. Ах да, съемки пройдут в другом городе.

Несколько недель? В другом городе? Даже если не брать в расчет, что модель из меня, как балерина из борца сумо, я не оставлю маму одну так надолго. Кто будет за ней присматривать?

— Я не могу! — мотаю головой. — Вам нужен кто-то другой.

— Что значит вы не можете?

На секунду лицо Ирины искажается гневом, но она быстро берет себя в руки.

— Если у вас запланированы другие мероприятия, перенесем или отменим, не переживайте. — И добавляет с нажимом: — Максим Романович выбрал именно вас, Кира.

Она не договаривает фразу, но я и без того все понимаю. Вмиг в голове всплывают слова начальницы: «Он не любит, когда не выполняют его приказы».

В ушах шумит, и я лихорадочно соображаю, что делать.

Если скажу правду о том, что я оказалась тут случайно, влетит Светлане Николаевне. А потом мне. Могут и уволить.

Если не скажу, и съемки сорвутся из-за неумехи-меня, то влетит мне и... Светлане Николаевне за наше вранье. Только при этом компания потратится на мой перелет, командировочные и так далее. Еще и время потеряют. И тогда точно уволят.

Кроме этого, стопроцентно вычтут затраты из моей скромной зарплаты, а она мне самой, вообще-то, нужна. Если учесть, что съемки в другом городе, то моего жалованья и вовсе не хватит. Этак я агентству еще и должна останусь.

Я мысленно стону. Выхода нет. Да, вероятно, генеральный будет в ярости, раз не привык к отказам, но я выбираю меньшее из зол, собираюсь с духом и признаюсь:

— Я не модель.

Глава 2. Босс всё решил

Следующее утро, холдинг «Империял»

Максим

Я сижу на черном кожаном диване, передо мной на столе в чашке дымится черный кофе.

Тишину моего кабинета нарушает разве что метроном, который стоит чуть дальше, отмеривая свой четкий ритм, и редкие покашливания лысого полноватого режиссера и его белобрысого помощника.

Они сидят в креслах напротив и явно мнутя. Им претит, что заказчик ставит свои условия их творческим натурам, но я готов сотрудничать только так.

Дверь в мой кабинет открывается, и мимо нас спешно пробегает мой секретарь, расставляя на столе бутылки с водой и стаканы.

Когда за ней закрывается дверь, режиссер вкрадчиво интересуется:

— Вы уверены, что хотите свою модель, Максим Романович? Мы готовы быстро отснять материал, и у нас есть хорошие девочки, с которыми давно налажена работа.

Я приподнимаю бровь. Можно подумать, я не им последние десять минут объяснял свою позицию в этом вопросе, а просто воздух сотрясал.

— Может, посмотрите? — Режиссер уже на своей волне,

не замечает моего настроения. — Петя, давай.

Он делает еле заметный жест рукой, и его помощник лезет в сумку, что стоит рядом.

— Не нужно, Владимир Игнатович, — холодно его прерываю.

Что ж, я попытался объяснить вежливо, пойдем другим путем:

— Мне уже отсняли, и такое дерьмо вышло... И знаете почему?

— Почему? — синхронно интересуются собеседники, переглядываясь.

— Мне и в прошлый раз режиссер говорил, что сам выберет модель. Я ему доверился, знающий человек как-никак. Профессионал. В итоге он снял такую рекламу, что она у меня провалилась по всем рейтингам. А я ведь изначально говорил, что модель не подходит. Да, красивая, но у нее взгляд такой... ледяной, улыбка как приклеенная.

В памяти сама собой всплывает та модель, которую я выбрал вчера. И ее глаза: огромные, яркие. Мимика — живая, настоящая. Приятное лицо. Естественная красота. Да, то что нужно для рекламы. Интересно, как ее зовут? Надо узнать.

Только тут понимаю, что молчу уже с полминуты. Собеседники терпеливо ждут.

— И манеры у той модели, которую выбрал прошлый режиссер, какие-то... не те, что надо, — продолжаю я. — Вместо милой хозяйки дома я увидел стерву. Но он настоял, мол,

доверьтесь мне, Максим Романович.

— Возможно, режиссер был не очень опытный? — подает голос Владимир Игнатович.

— Я бы не стал сотрудничать с таким, — хмыкаю я. — За его спиной ВГИК, тысячи отснятых материалов, он даже с Фондарчуком работал. Пообещал мне шикарный ролик. Сказал, покажут мне результат до запуска на телевидении, и если меня что-то не устроит, переснимут за свой счет. В итоге в кадре девочка, и правда, смотрелась лучше, чем вживую и на фото. Хотя я все равно продолжал считать, что она — не лучший выбор. Однако режиссер снова пообещал, что все будет на высшем уровне. Рекламу запустили на ТВ, на несколько центральных каналов, крутили пару недель. Спустили на это полмиллиона долларов, чтоб вы понимали. Сами знаете, какие там расценки, тем более за минутный ролик. Знаете, что я получил по итогу?

Владимир Игнатович и Петр снова переглядываются.

— Что?

— Кучу отзывов под роликом, который продублировали на Ютубе. О том, что девушка уродка, у нее не улыбка, а гримаса. Мол, сразу видно, что ничего тяжелее кошелька в жизни не держала, что уж говорить о технике. Стерва, короче говоря. И вообще, наша марка — говно.

— Максим Романович, — прочищает горло режиссер, — а продажи выросли? Если да, то какая разница, что там пишут в Ютубе?

— Хороший вопрос, Владимир Игнатович. Разве я бы имел к ним какие-то претензии в случае роста продаж? Ну как так: узнаваемость бренда выросла, а продажи упали. Не просто упали, рухнули. А ведь я с самого начала говорил, что девочка не подходит! С этой компанией я естественно разберусь. Подам в суд, пусть возмещают недополученную прибыль. Вы же понимаете: это юристы с обеих сторон, сбор данных и их анализ. Это все еще нужно доказать. Но я докажу.

Вижу, Петру становится неуютно, он будто съеживается в своем кресле. Похоже, представляет себя на месте незадачливого режиссера.

— Однако мы здесь собрались не за этим. Сейчас мне в срочном порядке нужно исправлять ситуацию, снять нормальный ролик. Только теперь я сам выберу модель, без сопливых. Этот вопрос делегировать больше не намерен, потому что я все это разгребаю уже месяц. Не говоря уж о судах в будущем.

— Максим Романович, все-таки это не лучшая идея... У меня наметан глаз, я выберу вам лучшую модель.

Я хмурюсь и качаю головой, говорю с нажимом:

— Я бы хотел, чтобы вы меня услышали в этом вопросе. Вы там лично дальше уже сами, по техзаданию. Я в это не лезу, но выбор девочки оставьте мне. — Повышаю голос: — Потому что я больше не намерен терять деньги! Не надо мне всех этих кастингов, сборов. Я помню, сколько на это ухо-

дит денег. Лучше сам ткну пальцем в модель, которая меня устроит, и скажу: вот эта. Точнее, я это уже сделал. И вот теперь вопрос.

— Какой?

— Вы готовы сотрудничать на этих условиях? С моделью от меня? В конце концов, разве вы не профессионалы? Сделайте так, чтобы все получилось, иначе...

Лицо режиссера вытягивается после моих последних слов, и он мешкает. Видимо, взвешивает все за и против.

Смотрю на него с прищуром, жду. В ответе я уверен.

Ведь этот тип в деле не новичок, значит, должен понимать, что со мной шутки плохи. При желании я могу создать ему массу проблем или ослабить так, что он вряд ли сможет найти новых клиентов. Считаю, что холдинг «Империял» платит достаточно хорошие деньги, чтобы люди работали с полной отдачей.

Режиссер ожидаемо сдается в итоге, протягивает мне руку.

— Мы готовы.

— Отлично, я рад, что мы поняли друг друга. Благодарю, что приехали сюда сами. Во вторник модель будет у вас, сможете сразу приступить к съемкам.

Мы обмениваемся рукопожатиями, и Владимир Игнатович с Петром выходят.

Я откидываюсь на спинку дивана и отхлебываю кофе. Морщусь. Остыл.

Зову секретаря и прошу принести мне новый.

И снова перед глазами возникает девушка в ярко-красной кофте. Она выгодно отличается от всех остальных. Есть в ней какая-то искренность, что ли.

Интуиция говорит, что ролик с ней будет успешным. А своей интуиции я привык доверять.

Раздается звонок интеркома. Отвечаю.

— Максим Романович, к вам Ирина из «Подiums».

— Пусть заходит.

Как только Ирина wpłyвает в кабинет, сразу подмечаю: что-то не так. Бегающий взгляд, виноватый вид.

— Максим Романович, тут такое дело...

— Что случилось? Ты согласовала детали с выбранной мной моделью? Как ее зовут, кстати?

— Кира Васнецова.

Кира. Сопоставляю внешность модели с ее именем. Ей подходит.

— Я поэтому и приехала, решила лично с вами переговорить. В общем... — продолжает мямлить она.

— Да говори уже! — не выдерживаю я.

— Она отказалась сниматься.

— В смысле? — не верю своим ушам.

Модель отказалась выполнять свои прямые обязанности? Зазвездилась, что ли? И позвездатеe видали. И кому отказала — мне! Может, набивает себе цену?

— Ты ей сказала, что в случае необходимости все осталь-

ные съемки отменяют или перенесут?

— Сказала. Только дело в том, что она... не модель.

Вот так новость. Вспоминаю, как вчера сразу подметил, что Кира одета слишком просто, в отличие от остальных. И практически без макияжа. Но мало ли, по каким причинам это произошло, мне до этого нет ровным счетом никакого дела. Я приказываю — сотрудники выполняют.

— Тогда у меня к тебе вопрос, — рявкаю я. — Каким образом не модель оказалась там, где я попросил собрать моделей? Я уже согласовал ее участие в съемках с режиссером!

Ирина вжимает голову в плечи и молчит.

Хмурюсь. Что, проводить новый кастинг? Не вариант, время поджидает.

Решаю: пусть Кира и не модель, но работает с ними, то есть знает, как все устроено. В случае чего режиссер и его люди подскажут, что делать. Самое важное — типаж. Девочка что надо, она идеально вписывается в концепцию бренда. Остальное дело техники.

— Ирина, — усмехаюсь я, — это уже не имеет значения. Главное, Васнецова мне подходит. Договаривайся как хочешь. Прямо сейчас.

Ирина краснеет, но послушно достает телефон. Прислоняет его к уху дрожащей рукой, но через полминуты подавленным голосом сообщает:

— Она не берет трубку.

— Диктуй ее номер.

Позвоню сам.

Набираю, но в ответ получаю лишь длинные гудки.

Пробую снова. С тем же результатом.

Так дело не пойдет. Я ее выбрал, значит, она согласится.

— Ирина, в понедельник утром подъеду в агентство.

Пусть Кира зайдет ко мне ровно в девять.

Глава 3. Босс не любит ждать

Кира, в это же время

— Фух, — облегченно выдыхаю я и выпрямляюсь.

Провожая взглядом громко каркающую ворону, что пролетает надо мной, бросаю в сторону последний пучок вырванной травы и снимаю прорезиненные перчатки.

Ох, не к добру эта ворона. Хотя какое тут может быть добро — я на кладбище.

Отношу вырванные сорняки в стоящий неподалеку контейнер для мусора и возвращаюсь обратно. Готово.

Ставлю в вазон принесенные с собой цветы, сажусь на лавочку и оглядываю результат своих трудов. Дует такой пронизывающий ветер, что я невольно подтягиваю шарф аж до подбородка и ежусь.

Смотрю на фото улыбчивого парня на черной мраморной надгробной плите, и на глаза набегают жгучие слезы. Это мой брат.

Со дня его смерти прошел год, а я все еще не могу привыкнуть, что его нет рядом. Точнее, годовщина завтра, я решила приехать сегодня и все тут убрать, чтобы мама на это не отвлекалась. Ни к чему ей это с ее давлением и проблемами с сердцем.

Пашке было всего двадцать пять, когда он погиб. Его убили большие деньги.

О, как он радовался, когда по приколу впервые в жизни купил лотерейный билет и умудрился выиграть три с половиной миллиона рублей!

Когда он залетел на кухню, где мы с мамой пили чай со свежее испеченной шарлоткой, и с горящими глазами сообщил, что он теперь богат и наконец сможет открыть свой бизнес, как и мечтал, я поперхнулась и решила, что это шутка. Нет, оказалось, правда.

Спустя неделю он получил выигрыш и решил снять его со счета. Помнил рассказы мамы о том, как ее накопления превратились в пшик в девяносто восьмом году. Постановил так: пусть полежат дома.

Мы не стали с ним спорить — Пашка был упертым, как баран. А зря.

По пути домой из банка его ограбили и пырнули ножом в живот. До больницы он не дотянул.

Я никогда не забуду, как рыдала мама. Корила себя, что не уберегла родную кровиночку, не ела, почти не спала. Осунулась страшно и все ругала себя, ругала, говорила, что ей больше незачем жить.

Через месяц я не выдержала. Помню, села напротив за кухонный стол, взяла ее руки в свои и заплакала.

— Мамочка, но я ведь осталась! Я жива! И тоже потеряла Пашку. Не хочу потерять еще и тебя. Не хочешь думать о себе, подумай обо мне.

Пожалуй, именно тогда мама впервые за долгое время по-

смотрела на меня осмысленно.

— Моя ты девочка! Прости меня... — тихо прошептала она и раскрыла объятия.

В тот вечер мы потом долго сидели, обнявшись, и вспоминали Пашку. Хотя до этого каждая из нас держала эмоции в себе. Тот разговор сблизил нас еще больше.

Я вынырываю из воспоминаний, ощущая какую-то вибрацию. Похоже, я утром забыла выключить тихий режим.

Достаю мобильный из сумки, что лежит на лавочке рядом. Три пропущенных: два с одного номера, один с другого, но оба мне не знакомы. Опять рекламщики, что ли... Поведись предлагать то одно, то другое, и конечно, на самых выгодных условиях.

А вдруг что-то важное? Пока соображаю, стоит ли перезванивать, телефон снова вибрирует. Мама.

— Привет!

— Д-дочка, — слышу в трубке дрожащий голос. — Я...

— Мамулечка, ты в порядке? — вскакиваю с лавочки.

— Тут такое произошло... Приезжай скорее, пожалуйста. Я не знаю, что мне д-делать!

И такое ее «пожалуйста» жалобное, что у меня сжимается сердце.

— Лечу! Ты в порядке? Может, скорую?

— Не надо скорую, она не поможет. — И мама отключается.

Я не мешкая бегу к выходу из кладбища, и уже перед са-

мым выходом нога скользит по грязи. Нелепо взмахиваю руками, но удержать равновесие не удастся, и я падаю на колени.

— Девушка? — Поднимаю взгляд и вижу, как мне протягивает руку крепко сбитый брюнет в черном строгом пальто.

Он помогает мне встать, и я не отряхиваясь спешу дальше, бросая из-за плеча:

— Спасибо!

По пути набираю маму, но она не отвечает. В сердце прочно поселяется дурное предчувствие. Еще и эта дурацкая ворона. Не дай бог накаркала!

Вскоре влетаю в подъезд и на ходу ковыряюсь в сумке. Достая ключи и дрожащими руками вставляю их в замок. Получается не с первого раза, но когда дверь наконец-то открывается, и я захожу, мне в нос сразу бьет запах сердечных капель.

— Мама! — ору я и слышу приглушенное: «Я тут». Кажется, кухня.

Спешу туда. Она сидит, облокотившись о стол, и закрывает лицо ладонями.

— Мам, мамочка, что такое? Ты в порядке?

Отрываю ее ладони от лица и испуганно всматриваюсь. Какая она бледная!

Сердце колотится так сильно, будто вот-вот выпрыгнет. Но она жива. Это самое главное.

Перевожу дыхание, ставлю табуретку рядом и сажусь.

Стараюсь, чтобы голос звучал как можно ровнее:

— Что случилось?

Мамины глаза полны слез, и вот одна слезинка катится по щеке, а за ней вторая.

— Меня уволили, Кира.

В ту же секунду на меня накатывает невероятное облегчение. Я уж решила, будто тут что-то ужасное. Я ведь давно говорила маме, что пора уволиться из этого магазина. Ей лучше побережь свое здоровье. А деньги — справимся, если что, возьму подработку.

— И это все? Мам, ну ты чего меня так пугаешь? — ободряюще улыбаюсь и беру ее за ладонь. — Все будет хорошо!

— Это не все.

— Что еще?

— Я на днях принимала товар и не проверила, все ли на месте. Ты понимаешь, — начинает оправдываться мама, — поставщик старый, давно проверенный, а в магазине такая толпа была, что я не глядя накладную-то и подписала.

Сердце колотится. Мама не стала бы это упоминать просто так.

— И? — замираю в ожидании ответа.

— В магазине недостача, и ее повесили на меня.

— А почему сразу на тебя? — возмущаюсь я.

— Так ведь я принимала товар. Багранян так и заявил: Лариса Константиновна, ваша смена — вам и отвечать.

Вот гад! Мама ведь столько лет тут работает, и все было

хорошо до этого дня, а начальник плевать на это хотел, сразу про все хорошее забыл.

— И какая сумма? — интересуюсь я.

Надежда, что долг невелик, умирает сразу.

— Триста тысяч. Там черная икра к Новому году была среди прочего...

Я невольно охаю и пчусь. Приземляюсь на табуретку в полной прострации, пытаюсь переварить сказанное. Не получается.

Мне до слез жаль маму, на ней нет лица. Затем изнутри поднимается гнев.

— Вот сволочь!

— Кто?

— Да кто-кто? Поставщик, конечно! Ты пробовала ему звонить?

— Пробовала, толку нет. Говорит, отправил все, надо было проверять сразу.

— А в магазине никто стащить не мог?

— Кто? — изумляется мама. — Мы там все свои. В тот день только я работала да Валя. Она не могла подложить мне такую свинью.

Я вынужденно соглашаюсь. Знаю тетю Валю, она бы не поступила так с мамой, ведь сама перебивается от зарплаты до зарплаты, и для нее эти триста тысяч такие же огромные деньги, как и для нас. Хотя там же черная икра, которую можно продать из-под полы... Заработать...

Тьфу, Кира! Становится стыдно за такие мысли о близкой подруге матери.

Выходит, все же поставщик. Только вот как это доказать?

— Мам, а камеры? Может, там видно выгрузку?

— Какие камеры, — машет рукой она. — Они только в торговом зале и работают. А внутри висят ради красоты. Это я виновата, дочь... Сама не проверила. У-у-у! Багранян обещал в суд подать, если не верну ему всю сумму до конца месяца. Как будто это я товар украла! Дура я, дура!

Мама снова заливается слезами, а я вскакиваю, подхожу и обнимаю ее.

— Ну не плачь, мамочка, мы что-нибудь придумаем.

Осталось и самой в это поверить. Глажу маму по спине, хотя и сама в полной панике.

Затем сажусь на табуретку. Молчу минуту, вторую. Никак не могу прийти в себя. Может, это все сон? Щипаю себя за руку. Ай, больно! Нет, не сон...

Снова пялюсь в одну точку, кусаю щеку изнутри.

Еще через несколько минут наконец-то возвращается способность мыслить хоть сколько-нибудь связно.

Слезами делу не поможешь. Некогда мне тут в прострации сидеть, надо что-то делать. Мысленно перебираю возможные варианты. Занять у кого-то? Нет, среди моих знакомых нет таких буржуев, которые могут отстегнуть такие деньги сразу.

Зарплата? И тут пролет: эту сумму на текущем месте мне

и за полгода не заработать, даже с учетом того, что буду ходить пешком и питаться воздухом.

Ясно одно: маме нужно помогать. Она всю жизнь отдавала нам с братом все, что могла, и даже больше. Вкладывала всю себя, всю свою любовь до последней капельки. Теперь моя очередь.

Думай, Кира, думай!

Где мне взять такие деньжищи? Заем с нормальными условиями мне не дадут, слишком мало работаю в «Подiu-ме». Кредитная карта и так выпотрошена почти под ноль.

Выход один: кредит в какой-нибудь шарашкиной конторе под бешеный процент.

Я успокаиваю маму как могу, дожидаясь, пока она уснет после приема таблеток, а потом достаю телефон и ищу информацию. В итоге останавливаюсь на одном из вариантов, где условия чуть лучше, чем в остальных подобных конторах.

Блин, завтра воскресенье, и у них выходной. Да и на кладбище ехать надо.

Ладно, значит пойду послезавтра, как раз нужный мне офис в пяти минутах ходьбы от агентства.

Ох, как-то все разом навалилось...

И это я еще не знаю, что меня ждет на работе, как меня встретит Светлана Николаевна.

Черт, как же не вовремя Рокотов со своим предложением! Я так хорошо отработала этот месяц, рассчитывала на пре-

мию, а что будет теперь — фиг его знает.

Вряд ли меня встретят в офисе с хлебом-солью. Как бы пинка под зад не дали.

Мысленно стону. Хочется скрестить пальцы совсем как в детстве, чтобы все забыли о том, что произошло вчера вечером, и позволили работать спокойно.

Угу. Не с моим везением.

Первое, что я вижу в понедельник утром, когда захожу в офис «Подiums» — круглые глаза нашего скаута, Танечки.

— Васнецова, тебя вызывают!

Она тычет пальцем в потолок, но я не сразу догоняю, что она имеет в виду. Потом вспоминаю: там кабинет генерального.

— Чего встала? Давай быстрее! — будто нарочно наводит жути Таня. — Максим Романович просил тебя явиться к де-вяти.

Э-э-э... Что ему от меня надо?

Смотрю на часы, что висят за спиной. Ровно девять.

«Генеральный не любит, когда опаздывают», — снова всплывают в памяти слова Светланы Николаевны.

Ну Кира, ну молодец. Собрала комбо: мало того, что отказала, так еще и опоздала.

Бросаю пальто на стойку и несусь наверх со всех ног. Жду, пока секретарь доложит о моем приходе.

От волнения начинают трястись коленки, закладывает уши.

Может, он занят? Хоть бы так!

— Максим Романович вас ждет, — рушит мои надежды секретарь, и я на ватных ногах захожу в его кабинет.

Глава 4. Рабыню заказывали?

Кира

Я стараюсь взять себя в руки, но ничего не выходит. Волнуюсь так, как не волновалась ни на одном экзамене или собеседовании. Кто знает, чего ожидать от такого, как Рокотов?

Дверь за мной закрывается, и я остаюсь один на один с генеральным.

Большой кабинет залит светом из огромных панорамных окон. Сам Рокотов сидит в черном кожаном кресле за массивным столом из явно дорогуших пород древесины. Разговаривает с кем-то по телефону.

Молча кивает мне на кресло напротив.

Присаживаюсь на указанное место, кладу руки на колени и вцепляюсь пальцами в край юбки. Рокотов еще ничего не сказал, но мне все равно страшно до жути — вон он какой серьезный и строгий.

Смотрю в пол. И хоть нас разделяет пара метров, тяну носом и чувствую исходящий от него запах чего-то дорогого, с кедрово-мускусными нотками.

Вздрагиваю от удара метронома, замечая его только сейчас.

Наконец-то поднимаю взгляд и скольжу им по фигуре генерального. Максим Романович без пиджака, и оттого вы-

глядит еще массивнее, чем в нашу прошлую встречу. Ух, как рубашка обтягивает его мышцы...

Смотрю еще выше и тут понимаю, что все это время он отвечал мне тем же. Щеки тут же заливаются краской, словно меня поймали на чем-то постыдном. Зато генеральный несколько не смущается. Продолжает говорить по телефону и откровенно меня разглядывать.

Когда ожидание становится совсем невыносимым, и я готова провалиться сквозь землю от его пронизывающего взгляда, он кладет телефон на стол.

И продолжает молчать.

Может, ждет, пока заговорю я? Э нет, ляпну что-нибудь не то, сделаю еще хуже. Это я могу. А может, специально молчит. Вдруг у него тактика такая — запугивание. Что ж, со мной сработало на ура. Я не нахожу себе места.

— Кира, — Максим Романович ставит локти на стол и складывает пальцы домиком, — знаешь, какое качество я ценю в сотрудниках?

От его ледяного тона руки покрываются мурашками, и я нервно сглатываю.

Ну, хоть начал не с «Васнецова, ты уволена». Это же хороший знак, так?

— К-какое?

— Пунктуальность.

Я опускаю голову и бормочу еле слышно:

— Простите...

— Прощаю. В первый и последний раз. Время, чтобы ты знала, самый ценный ресурс, который у нас есть, и я не привык разбрасываться им просто так.

Он серьезно? Вообще-то, я опоздала всего на пару минут!

— Вот и сейчас вместо того, чтобы тратить этот ценный ресурс на тебя, я мог бы решать другие, более важные вопросы.

Чего-о? Мой рот от возмущения приоткрывается сам собой. Я не просила тратить время на неважную меня, наоборот, была бы рада, если бы его на меня не тратили!

Молчу.

— Сколько ты тут работаешь?

— Два месяца, — отвечаю я, не понимая, куда он клонит.

— То есть у тебя было время изучить, как тут все устроено, как работают модели и так далее.

Главное, не спрашивает — утверждает.

И что говорить в ответ? Скажу «нет», решит, что я тут балду пинаю вместо работы. Отвечаю расплывчато:

— Ну... в целом, да.

— Тогда скажи мне, — генеральный подается вперед, и его тон становится еще более строгим, — почему ты отказалась от съемок?

— Максим Романович, но я ведь уже объяснила: я не модель.

В конце-то концов, генеральный не может не понимать! Работать среди моделей и моделью — вот вообще не одно и

то же.

— Ты знаешь принципы работы, этого достаточно.

Сказал как отрезал.

Ему достаточно, а мне нет. Я могу ему прямо сейчас показать ролики, как работают настоящие модели перед фотокамерами. Сменить позу тридцать раз за двадцать секунд для них не проблема, а для меня — очень даже. И я ни разу не шучу, реально несколько десятков поз за минуту! Вот хоть сейчас доставай телефон и показывай ему видео.

Ну где я и где все эти лампы, софиты и уверенность? Нас разделяет пропасть. Нет, Марианская впадина.

— Максим Романович, я думаю, что... — хочу объяснить, что все не так просто, как он там себе насочинял, но договорить не успеваю.

Он сурово прерывает:

— Кира, думать — это не твоя задача. Твоя задача — четко следовать инструкциям, которые даст режиссер. У тебя подходящий типаж, ты нужна мне на этих съемках и сделаешь так, как я сказал. Твое участие уже согласовано.

Вот как? Округляю глаза. Без меня меня женили. На место страха быть уволенной приходит злость.

Я ему что, рабыня?

Ладно бы просил, так ведь нет, приказывает, словно я его собственность и он имеет полное право распоряжаться мной как вздумается.

— На время твоей командировки за тобой сохраняется

твой полный оклад, плюс командировочные. Возможна и премия.

Он называет общую сумму, и я ошарашенно на него плююсь.

Я знаю, сколько получают модели, и за одну съемку им столько не платят, если они не звезды, конечно. Неужели этот проект настолько важен Рокотову? Черт, это даже хуже. Когда провалюсь, по голове меня точно не погладят. А я ведь провалюсь — обязательно! Причем так феерично, что ему и не снилось! Я неуклюжая, нефотогеничная, и вообще... Он что, слепой и этого не видит?!

С другой стороны, это как раз почти нужная сумма для мамы. Если буду экономить командировочные, то как раз хватит.

Теперь во мне борются две части.

Одна говорит: «Кира, это лучше, чем кредитная кабала. Несколько недель съемок, и проблема мамы будет решена. Никакого суда, она перестанет нервничать».

Другая цокает и закатывает глаза: «Ну да, а о своих нервах ты подумала? Помнишь, как Соколов орал на новенькую модель? Называл ее деревянной, бестолочью, бесталанным переростком? И это она закончила школу моделей. А тебя, дорогуша, ждет кое-что похуже. Ты не умеешь двигаться, держаться на камеру. Те, кто говорят, что это легко, просто не пробовали сами. Куда ты лезешь? И вообще, маму ты на кого оставишь, а? Модель недоделанная. Не, не вариант».

— Если откажешься, можешь писать заявление по собственному желанию, — сухо припечатывает Максим Романович. — Мне не нужны сотрудники, которые отказываются работать.

— Я не отказываюсь!

Впервые на его лице хоть какие-то эмоции: генеральный приподнимает бровь.

Его губы трогает легкая усмешка.

— Значит, ты согласна?

Вот скотина! Зажал в угол и доволен. Как я буду возвращать кредит, если лишусь работы? Нормальное место так сразу не найти, а вот проценты на долг капают сразу.

Я прикусываю губу и на секунду закрываю глаза. Кто сказал, что деньги достаются легко? Лично мне в данный момент эта фраза кажется издевкой.

Но если выбирать между решением проблемы мамы, ее спокойствием и моей каторгой на несколько недель... Что ж, выбор очевиден. Я должна хотя бы попробовать.

— Я согласна.

Рокотов удовлетворенно кивает, как будто и не ожидал другого ответа.

— Учти, что за те деньги, что я плачу, я жду полной самоотдачи и очень хорошую работу.

Господи, вот как он умудряется сделать так, чтобы я с каждой минутой чувствовала себя все гаже и нервничала все больше? Талант.

— Я п-поняла. Максим Романович, — все же решаюсь задать тревожащий меня вопрос, — а если у меня не получится?

— Я уверен, ты сделаешь так, чтобы получилось.

Он больше ничего не произносит, но его слова звучат зловеще. Чую в них подтекст: если не получится, то... Нет, лучше даже не думать, что произойдет в этом случае.

— Свободна.

Максим Романович кивает на выход и погружается в бумаги, словно меня тут больше нет.

Я чувствую себя маленькой букашкой, тихонько поднимаюсь и иду к выходу, как вдруг он меня останавливает:

— Кира?

— Да? — оборачиваюсь к генеральному.

— Я понимаю, что ты нервничаешь. Не волнуйся, я тоже еду в Питер и присмотрю там за тобой.

Вот только его мне на съемочной площадке и не хватало!

Бинго. Максим Романович только что превратил мою командировку из ужасной в кошмарную.

Кира, ты попала...

Глава 5. Уволил? Хуже!

Кира

Я выхожу из кабинета Рокотова, тихонько прикрываю за собой дверь и сразу натываюсь на спину его секретаря.

Она опрыскивает водой большой фикус Бенджамина, что стоит в углу.

Несколько секунд я наблюдаю, как сочные зеленые листья покрываются капельками воды, а потом кашляю, привлекая к себе внимание.

Секретарь оборачивается, вежливо улыбается и произносит:

— Прошу прощения, не услышала, как вы вышли. Кира, спуститесь, пожалуйста, к бухгалтеру за командировочными. Она ждет. Ваш рейс завтра рано утром. Жить вы будете в съемной однокомнатной квартире рядом со студией. Первая встреча с режиссером тоже завтра, в три часа.

Вот как? Ничего себе скорость. И билеты куплены, и жилье меня ждет, и командировочные. И режиссер...

Однако после разговора с Максимом Романовичем я настолько эмоционально опустошена, что удивиться в очередной раз попросту нет сил.

Понятно одно: все приготовления произошли еще до нашего разговора. А если бы я отказалась? Если бы плюнула на все и предпочла уволиться?

Тут же усмехаюсь. Сдается мне, Рокотов смел бы и эту преграду, надавил как-то по-другому и в любом случае получил бы свое. М-да. Угроздило же меня попасться ему на глаза...

Я благодарю секретаря и спускаюсь к бухгалтеру.

Пока подписываю нужные бумаги и получаю на руки деньги, из головы никак не идет мама.

Что я ей скажу? Как она тут будет без меня? Так, надо попросить соседку заходить к ней почаще. И тетю Валю тоже. И таблетки разложить по дням, чтоб не забывала пить. А то она забудет, и потом делает невинные-невинные глаза: «Доча, я была уверена, что выпила!»

Голова начинает кипеть от того, сколько всего нужно успеть за сегодняшний день.

По пути к себе от бухгалтера встречаю несколько девочек-моделей.

— Привет! — здороваюсь со всеми.

Правда, вместо обычного ответного приветствия на меня устремляются неприязненные взгляды. Одна из моделей цокает, вторая демонстративно закатывает глаза.

— Фу, что-то тут завоняло. Пойду проветрюсь, — высокомерно задирает подбородок третья.

И проходит мимо, намеренно с силой толкая меня плечом. В нос бьет исходящий от нее запах сигарет.

Меня бросает в жар.

«Если от кого и завоняло, так это от тебя!» — взрываюсь

про себя.

Становится обидно до слез. Что я им сделала? Разве виновата в том, что Рокотов выбрал меня? Да я бы с радостью уступила свое место любой из них.

Кира, соберись! Не нужно показывать им, как на меня действует их поведение. Делаю каменное лицо и иду вперед как ни в чем не бывало.

Стараюсь не обращать внимания на ехидный шепот за спиной, а затем они говорят так громко, чтобы я точно услышала:

— Ни кожи ни рожи, а туда же, — хмыкает одна.

— Ага. По ходу раздвинула перед Рокотовым ноги, вот он ее и выбрал, — поддакивает другая.

Вот змеюки! Выпустили яд, стоило только перейти им дорогу. А раньше вели себя так мило.

Я ускоряюсь и сворачиваю на лестницу. Чуть ли не бегу вниз, на свой этаж.

Мои шаги отдаются гулким эхом, в такт биению сердца. Тук-тук. Тук-тук.

Так вот что обо мне говорят? Вот что думают? Что я того... это самое с Рокотовым?

— О-о-о, — стону в голос.

Чую, это только цветочки, ягодки еще впереди. Как мне потом, после съемок, тут работать? Никогда не думала, что отношение ко мне может поменяться с такой скоростью, словно по щелчку пальцев.

Перевожу дыхание, прежде чем выйти с лестничного пролета в рабочую зону.

Надо поговорить с Таней. Кстати, это именно она помогла мне сюда устроиться и в курсе происходящего.

— Ты тут? — засовываю голову в ее кабинет.

Она перестает помешивать ложкой чай в кружке и округляет глаза.

Машет рукой, приглашая внутрь. Громко шепчет:

— О боже, да на тебе нет лица! Уволил?

— Хуже. Еду на съемки в Питер, — бухаюсь на стул рядом я.

Лицо Тани вытягивается.

— Ты ведь ни черта в этом не смыслишь.

— А я о чем! — всплескиваю руками. — Поди объясни это Рокотову. Уперся как баран, ничего не хочет слышать.

Мигом оборачиваюсь на дверь: плотно ли закрыла? Вдруг какая из моделей подслушает, как я тут на генерального бочку качу. Настучат, не погнушаются.

— Во дела-а-а... — тянет подруга и качает головой. Потом начинает мешать ложкой чай с такой силой, что у меня в ушах отдается звон металла о стенки кружки.

Я морщусь, тянусь вперед и забираю у нее несчастную посудину.

— Что мне делать?

— Как что, — хмыкает Таня, — ехать. Можно подумать, у тебя есть выбор. Вдруг все-таки выгорит. Если что, я всегда

на связи. Чем смогу — помогу.

— Спасибо.

— Хочешь чаю? Ромашка с мятой. Успокаивает.

Нервно хихикаю. Мне сейчас поможет разве что целая мятно-ромашковая ванна. И то вряд ли. Лучше сразу галлон валерьянки.

— Ты это, возьми с собой побольше теплых вещей. Там вам не здесь, — дает наставления Таня. — Такие ветра дуют, ужас просто. Сыро, промозгло. Я как-то ездила на неделю, так пришлось докупать одежду. И обувь бери такую, чтоб не промокала, а то будешь ходить с вечно мокрыми ногами.

Я вздыхаю. Боюсь, у меня такой нет. Ботинки пора менять, как раз начали промокать. Только вот денег на новые нет. Хотя секретарь вроде сказала, что студия рядом с квартирой. Значит, и так сойдет.

— Тань, я могу сегодня не успеть отправить документы, мне еще к маме заехать надо. А это очень важно. Сможешь в ближайшие день-два сгонять на почту?

— Конечно, приноси.

Подруга вдруг прищуривается и окидывает меня странным взглядом.

— У тебя точно ничего нет с генеральным? Он же такой... М-м-м... Я б с ним замутила.

— И ты туда же? — возмущаюсь я. — Ладно модели ядом изошлись, но от тебя я такого не ожидала. Нет у нас ничего и быть не может!

Если честно, я вообще не понимаю, отчего все так ведутся на Рокотова. Да, внешность у него ого-го, тут его природа не обидела, но на этом плюсы заканчиваются. Дальше только минусы. Он жуткий тип, циничный и беспринципный. Только и умеет, что давить катком да приказывать. Плевать ему на чужое мнение. Есть только его, и точка. Не-е, как можно в здравом уме хотеть строить отношения с таким мужчиной? Брр...

— Ты уверена, что он не подбивает к тебе клинья?

— Да ну тебя, — машу рукой. — Зачем генеральному такая, как я? Ему и так есть из кого выбрать. Ты ведь видела, какие девушки обычно мелькают рядом с ним.

— Ну да, наверное, ты права.

— Не наверное, а права. Ладно, я побежала работать, дел невпроворот.

— Ага... — задумчиво хмурит лоб подруга.

Я возвращаюсь на свое рабочее место, а из головы никак не идут вопросы Тани насчет возможного интереса Рокотова ко мне.

Да ну. У нас только рабочие, деловые отношения, не больше. Их и отношениями-то не называть.

Память между тем услужливо подкидывает то, как он на меня смотрел во время нашего разговора. Горячо, откровенно. Раздевал взглядом. И грудь мою рассматривал, и губы. И ниже спускался...

И приглядывать обещал, а ведь ценит свое время.

Нет, я точно надумываю. Или нет?..

Глава 6. Чужая среди своих

Кира

Я выхожу из агентства на улицу и вдыхаю полной грудью. За день сильно похолодало, и изо рта при выдохе сразу вырывается теплый воздух, превращаясь в пар.

Вижу, как на освещаемую фонарями стоянку, к своей машине, спешит одна из наших самых востребованных моделей, Лиза. Стук ее каблучков отдается гулким эхом. А в агентстве я ее сегодня и не видела. Странно.

Я очень надеюсь, что она замолвит за меня словечко перед остальными девочками.

Лиза нередко подвозит меня до дома — ей все равно по пути. На этой почве мы и сдружились. Но сегодня на совместную поездку надеяться, похоже, не стоит, вон, как торопится. Почему? Мозг посещает неприятная догадка: неужели только ради того, чтобы не столкнуться со мной?

Решаю выяснить сразу.

— Лиза, стой!

Она поворачивается ко мне и цедит сквозь зубы:

— Чего тебе?

— Давай поговорим, — подхожу я ближе.

— Я не хочу. И подвозить тебя больше не буду.

И она туда же?!

— Чего вы на меня взъелись, а? Я сегодня о себе чего толь-

ко не слышала!

Лиза изгибает красивую темную бровь:

— Ты правда не понимаешь или только прикидываешься дуручкой?

Считаю про себя до пяти, чтобы не наговорить колкостей в ответ.

— Не понимаю, — качаю головой. — Ну выбрали меня для съемок, разве это конец света? Может, объяснишь, что творится на самом деле? Вы как-то слишком бурно реагируете, не находишь?

— Вот скажи мне, — скрещивает руки на груди Лиза, — ты планируешь работать моделью?

— Я? — удивленно округляю глаза. — Нет, конечно.

— Вот именно, Кира! — мигом вспыхивает собеседница. — Пришла, открыла дверь с пинка и увела такой проект!

Как быстро по офису разносятся сплетни. Еще в пятницу никто понятия не имел, зачем Рокотову модели, а сегодня все в курсе. Во всех деталях. М-да.

— Ты вообще представляешь, — все больше злится Лиза, — какие двери перед любой из нас могло открыть участие в этих съемках, а? Это ведь реклама для центральных каналов.

— Вот как? Тогда почему вы не грызете глотки друг другу? Если бы Рокотов выбрал кого-то из вас, ее вы бы так не гнобили!

— Не путай, Васнецова, — снисходительно смотрит на меня Лиза, — это другое. Мы все тут — свои. А ты — чужая.

Это первое.

— Есть еще и второе? — хмыкаю в ответ.

Лиза театрально всплескивает руками.

— Девочки, чего вы все помешались на этом Рокотове? Хватит уже о нем!

Ну понятно, кривляет меня. Я действительно так говорила, когда модели надоедали своими вздохами по генеральному. Ах, какой Рокотов красивый. Ах, какой он богатый! Ах, какой властный! Ах, какой мужественный! И так изо дня в день. Нависнут над моей стойкой и давать отвлекать от работы. Вот я и срывалась порой.

— А сама... — продолжает шипеть Лиза.

— Что сама? — начинаю звереть я.

— Что-что, закрутила с ним! Других мотивов выбрать тебя у него точно нет! Я все понимаю, тоже хорошей жизни захотела по ходу. Но хоть бы не врала тогда, что ли, что и сама на него претендуешь. Это было бы по крайней мере честно. Тихоня хренова!

Я чувствую, как дергается левое веко.

Это у меня-то хорошая жизнь? Открываю рот, чтобы возразить, но вижу полный презрения ледяной взгляд и поджатые губы Лизы и осознаю: расскажи я сейчас правду о том, что Рокотов попросту надавил и в итоге пригрозил увольнением, не поверит. И что видов на него у меня никаких нет — тем более. И что согласилась я не от хорошей жизни.

Ай, и перед кем я хочу оправдаться? Перед той, что даже

не дала мне шанса поделиться тем, как все было на самом деле? Да пошло оно все...

— Я поняла. Пока, Лиза.

Разворачиваюсь и иду вперед, к автобусной остановке. После сегодняшнего дня и этого разговора чувствую себя опустошенной, энергию будто разом выкачали до самого днышка.

Мне вслед раздается едкий голос:

— Я с удовольствием дождусь, когда ты с треском провалишься и тебя выпрут из проекта. Мы всеждемся. И не приходи ныть, я не стану слушать.

И не собиралась.

Бреду на остановку и бессильно бешусь. Злюсь на ситуацию, на модели, но больше всего — на генерального. Ну, Рокотов, ну гад! Он ведь и понятия не имеет, что творится в агентстве за его спиной. Как я себя чувствую. Хотя... ему однозначно наплевать.

Еду к маме и по дороге обдумываю то, что ей скажу. Всю правду ей знать совсем не обязательно, остановлюсь на коротком, более удобоваримом варианте.

Через час мы проходим с ней на кухню. Мне становится немного легче от присутствия родного человека.

Я веду носом, и мама смеется.

— Учужла-таки?

Снимает полотенце с блюда. А там... м-м-м, мои любимые чебуреки. Такие только мама и готовит. И как пахнут!

Желудок отчаянно бурчит. Немудрено, я пропустила обед — слишком нервничала, чтобы есть. Но разве можно устоять против маминой стряпни?

На несколько драгоценных минут все мои горести уходят на второй план, и я уминаю чебурек. Только после этого вываливаю монологом отредактированную краткую версию: Рокотов предложил мне поработать моделью, пообещал хорошие деньги, уговорил, и я согласилась.

— Мам, только как я тебя оставлю, а? — вздыхаю.

Мама подпирает подбородок ладонью и крепко задумывается.

— Оставить меня не проблема, дочка. Ты ведь не на год уезжаешь, к тому же правильно говоришь: соседка будет захаивать. И Валя. Таблетки обещаю пить по часам. Ну хочешь, стану писать тебе сообщения с отчетами? Меня другое волнует.

Она с беспокойством вглядывается в мое лицо, кладет свою ладонь мне на руку и проникновенно интересуется:

— Я помню твои истории о том, как сложно работать моделью и что ты так никогда бы не смогла. Жалела девочек, какой у них режим, в каких условиях порой приходится работать. А теперь взяла и так просто согласилась? Ты ведь не все мне рассказала, правда?

— Все! — вру на голубом глазу.

Блин, мама слишком хорошо меня знает, к тому же раньше я ничего от нее не скрывала.

— Ладно, — поджигает губы она, однако не спорит. — Но я вот что думаю...

— Что?

— Может, ну его, это все, а? Сердечко мое чует, что твой Рокотов — опасный человек. И очень влиятельный. Мало ли что? Может, лучше все-таки взять кредит? Я тоже найду работу. Зачем ради меня и моих долгов так рисковать? Ты ведь не обязана...

— Вот еще. Ты и от прошлой работы не отошла, вон, бледная какая, — возмущаюсь я. — Нет уж. И мы, вообще-то, семья, если ты забыла.

Про себя добавляю: если откажусь, Рокотов и меня уволит, и, чего доброго, за маму возьмется. С него станется. Ну нет. Я все решила, и будь что будет.

Следующие часы до самолета проходят, словно в тумане. Вот я раскладываю маме лекарства в таблетницу, беру с нее обещание писать каждый день, звонить вечерами.

Вот мчусь к себе, собираю вещи, падаю на диван и забываюсь тревожным сном. Мне снится безликий режиссер. У него вместо головы дымка, но голос... Пробирает до мурашек. Он орет на меня, орет. Тут же рядом появляется Рокотов, гремит: «Сделай все по высшему разряду, иначе...»

А затем на меня толпой нападают невесты откуда взявшиеся модели. У каждой в руке камень, и они бросают их в меня один за другим. Один попадает в правое плечо. Ай, как больно-то!

Тут я и просыпаюсь. Оказывается, умудрилась отлежать руку, и теперь ее покалывает болючими мурашками.

Смотрю на часы: фух, не проспала.

Через несколько часов смотрю на землю из иллюминатора самолета. Правда, оценить по достоинству эти виды все равно не получается, меня изнутри съедает тревога. Вгрызается, сволочь, изо всех сил, хрумкает со вкусом.

Я с силой мотаю головой и начинаю повторять по кругу только что придуманные аффирмации: у меня все получается, я хорошо справляюсь!

Помочь не помогает, но хоть отвлекает.

В аэропорту меня встречают и сразу везут на квартиру. До первого разговора с режиссером остается совсем немного времени, и я мандражирую все больше. Интересно, будет только он с помощником? Ох, пусть будут только они. Мне и их хватит с головой.

Хм... Надо ли им сразу признаваться в том, что я не модель? Или нет? Наверное, лучше сразу. Они в любом случае поймут все сами. Невольно втягиваю голову в плечи, представляя их реакцию на мои неумелые попытки позировать.

А что, если Рокотов тоже пожалует?

«Только не это», — стону про себя.

Я ерзаю на заднем сиденье машины, и в итоге решаюсь позвонить Ирине и спросить, не планирует ли его величество Рокотов посетить сегодня студию. За спрос денег не берут, так? Вдруг она в курсе.

Вот сейчас успокоит меня, скажет, что генеральному не до меня. Мне сразу станет легче. Только режиссер — это всяко лучше, чем набор «режиссер+генеральный».

Набираю ее номер.

— Добрый день, Кира, — вежливо здоровается Ирина и отвечает на мой вопрос: — Максим Романович действительно планирует сегодня заглянуть в студию, но я не знаю, когда именно.

— Спасибо.

Кладу трубку, и сердце летит в пятки. Пульс ускоряется до немыслимого числа, и я никак не могу унять нервную дрожь.

Водитель видит, что у меня трясутся руки, и помогает мне поднять вещи.

В моей съемной квартире чисто и уютно. Сделан свежий ремонт, еще и большая кухня. Я могла бы порадоваться, не виси у меня над головой дамоклов меч в виде Рокотова. Более того, даже не замечаю, когда уходит водитель.

К нужному времени я собираюсь, мерю зал шагами в ожидании, то и дело поглядываю на висящие на стене часы. А стрелки, будто назло, двигаются вперед с черепашьей скоростью.

В горле пересыхает, и я топаю на кухню, залпом выпиваю стакан воды. И еще. Жаль, нет валерьянки, я б хряпнула.

Вскоре звонит водитель, и мы наконец-то едем по назначенному адресу. Он пытается со мной поговорить, но я отделиваюсь короткими фразами, и в итоге он оставляет меня

в покое.

Выхожу из машины, и первое желание — сесть обратно. Спрятаться, как в норку.

Однако у входа в студию стоит рыжий молодой парень. Он замечает меня и бодро интересуется:

— Вы Кира Васнецова?

— Я.

— Пойдемте, вас уже ждут.

Игорь, так зовут этого улыбчивого парня, провожает меня внутрь, и в 15:05 я ни жива ни мертва стучу в дверь кабинета режиссера.

Ну, поехали...

Глава 7. Если ты меня подставишь, то...

Кира

— Войдите, — раздается изнутри хриплый голос.

«Только бы там не было Рокотова, пожалуйста!» — молюсь про себя.

И надо же — срабатывает: его там нет. Внутри только полноватый лысый режиссер. Хотя расслабляться рано, Максим Романович может появиться в любую минуту.

Режиссер спешно протирает лоб мятым платком, убирает его во внутренний карман жилетки болотного цвета и встает с места.

— Радковский Владимир Игнатович, — представляется он и тянет мне руку.

— Кира Васнецова, — говорю в ответ, подхожу ближе и пожимаю его ладонь.

Блин, какая она влажная. Жутко хочется тут же вытереть свою ладонь об себя. Еле сдерживаюсь: вряд ли такой жест прибавит мне очков в глазах режиссера.

— Очень приятно, — улыбаюсь ему.

— Взаимно, — бубнит себе под нос Владимир Игнатович, смотрит на меня снизу вверх и обратно.

Ну, начало положено. Пока вроде все не так страшно.

— Присаживайтесь. — Режиссер кивает на псевдокожаное бежевое кресло.

Его кабинет выглядит так, словно тут пронесся торнадо. Везде какие-то бумаги, на вешалку в углу кучей набросаны вещи, одна куртка и вовсе валяется на полу, но его это явно не смущает. Ох уж эти творческие натуры.

На стене справа от Владимира Игнатовича в рамках висят какие-то дипломы и грамоты, а на полке чуть ниже громоздятся разномастные статуэтки, есть даже позолоченные.

Ну да, Рокотов точно не стал бы обращаться к дилетанту, выбрал человека с большим послужным списком. Хотя... издаю ехидный смешок, вспоминая про себя.

Справа в углу стоит кулер, чуть дальше — шкаф. Вот и все убранство.

А еще тут нет окон, при этом сам кабинет отделан в темных тонах, и поэтому пространство кажется давящим.

Как он тут работает?

— Кира, — прочищает горло Владимир Игнатович, — сегодня я представлю вас команде, покажу, в каких интерьерах будем снимать. Их будет несколько.

Я киваю. Выходит, сегодня съемок не будет и мне дадут хоть немного осмотреться? Уже радуется. Впрочем, оно и понятно, дело близится к вечеру, да и я вымотана после перелета.

Главное, чтобы знакомство прошло нормально.

— Ах да, — хлопает себя по лбу режиссер, — сценарий.

Его желательно выучить до завтра.

Он тянется рукой к ящикам стола, открывает верхний.

— Не тут.

Закрывает его и открывает второй, но в воздухе уже витает запах... лапши быстрого приготовления. Похоже, он не успел ее съесть до моего прихода.

— Вот, держите.

Владимир Игнатович кладет на стол передо мной синюю папку с файлами.

Выучить до завтра? Я недоуменно хлопаю ресницами. Судя по всему, меня ждет бессонная ночь. Вряд ли тут кого-то устроят мои нелепые оправдания в стиле «соррян, я не успела запомнить все за один вечер».

— Тут в том числе информация о технике, которую вам предстоит рекламировать. Приступим к съемкам завтра, в девять утра. — Он странно на меня косится и добавляет: — Попрошу не опаздывать. Ни завтра, ни вообще.

— Разумеется.

— Кира, буду с вами честен: я предлагал Максиму Романовичу свою кандидатуру для ролика, но он настоял на вас. Уверен, не зря, у вас богатый опыт и вы не из тех зазнавшихся моделей, которые капризничают и срывают съемки. Рокотов ждет результата, поэтому мы должны сработаться.

Владимир Игнатович встает с места и указывает на выход.

— Ну что, пойдете знакомиться с командой?

Богатый опыт? У меня? Выходит, Рокотов ему ничего не

сказал.

Ну удружил!

Режиссер огибает стол и равняется со мной, и я останавливаю его.

— Владимир Игнатович, тут такое дело... Я не модель.

— В смысле? — Его брови совершают марш-бросок вверх.

— Максим Романович выбрал меня из-за подходящего ему типажа. Я действительно работаю в его агентстве, но в съемках никогда не участвовала. Никаких. Ни фото, ни видео.

— Вот те раз... — Владимир Игнатович на секунду теряется, делает шаг назад и смотрит на меня по-новому.

Молчим некоторое время.

Он вдруг резко подбирается, краснеет. На его лице — мрачная решимость. И злость.

— В общем, так, Кира. Эта работа для меня крайне важна.

— Для меня тоже.

— Значит, тебе предстоит трудиться втрое больше, — переходит на «ты» режиссер. — Ты будешь стараться и играть так, словно от этого зависит твоя жизнь. Не вздумай халювить или ныть. Ты меня поняла? Мы должны выдать такой результат, который устроит Рокотова на сто процентов. Если ты меня подставишь, я это так не оставлю. Ясно?

Теперь и я начинаю злиться. Они что все, сговорились, что ли? Только и умеют, что давить.

Мне сейчас что, полегчать должно? Или пыл работать должен взлететь до невиданных высот? Страх делу не помощник, вообще-то.

— Ясно?! — гремит режиссер.

— Ясно! — чуть ли не кричу в ответ.

— Я рад, что мы друг друга поняли. Пойдем.

Вот и поговорили...

Мы выходим из кабинета и идем по длинному коридору. Оба шумно дышим. Режиссер метает в меня молнии взглядом. Я ему не уступаю.

В конце-то концов, почему я должна быть козой отпущения, а? Неужели нельзя было как-то помягче? Кира, мы оба в одной лодке, давай поможем друг другу и так далее. Нет, надо орать и угрожать!

Не успеваем мы завернуть за угол, как за нашими спинами раздается до боли знакомый голос. Рокотов.

— Кира, стой.

Мы одновременно с режиссером разворачиваемся.

Мужчины здороваются, и Максим Романович обращается к Владимиру Игнатовичу:

— Дайте нам пару минут. Я хочу поговорить с Кирой.

Глава 8. Я отшила босса (?)

Кира

Владимир Игнатович уходит, и мы с генеральным остаемся наедине.

Я пялюсь на него в немом ожидании, а сама все никак не могу отойти от беседы с режиссером.

Интересно, что нужно Рокотову? Не дай бог и он тоже начнет наезжать! С меня на сегодня хватит.

Мне так-то еще знакомиться с командой. Вдруг каждый из них будет разговаривать со мной так же, как и Радковский? Вдруг его люди, как и модели, благополучно определяют меня «чужой» и начнут шпынять на чем свет стоит?

Так, Кира, успокойся, дыши. Режиссер просто вспылал, но он профессионал, в конце-то концов, справится с эмоциями. Все будет хо-ро-шо.

Рокотов между тем молчит. И взгляд у него такой же, как тогда, в кабинете. Пронзительный, исследующий. Я бы даже сказала раздевающий.

Я скрещиваю руки на груди и склоняю голову набок:

— Да, Максим Романович?

— Кира, какие у тебя планы на сегодняшний вечер? Приглашаю на ужин. Хочу обсудить рабочие моменты.

Чего-о? Мое лицо вытягивается в недоумении.

Э-э-э... Я мигом теряюсь и хлопаю ресницами.

Это что еще такое? Неужели генеральный действительно вспылал ко мне интересом? Таня была права?

— Кира?

Максим Романович касается моей руки, и я вздрагиваю. Хорошо, что я в теплой кофте, и он не видит, как от кисти вверх ползут мурашки от его касания. И ладонь у него такая теплая, но в то же время твердая. И жест такой уверенный...

Мимо нас проходит какой-то сотрудник, и я притворяюсь, что жду, пока он завернет за угол. Мельком смотрю на Рокова, но передо мной снова он, прежний. Собранный, строгий. И взгляд обычный, сухой и холодный.

Мысленно усмехаюсь. Это ж надо было умудриться за секунду напридумывать всякого. И то правда, чего это генеральному вдруг ни с того ни с сего вести меня на ужин? Можно подумать, ему пойти не с кем. Не-ет, тут стопроцентно есть какая-то подоплека. Но какая?

И тут меня осеняет: это проверка! Наверняка ему известно, что мне нужно выучить сценарий до завтра. Если соглашусь, тут же отчитает, что я трачу время попусту, хожу по ресторанам вместо того, чтобы готовиться к работе.

Помню я его поговорочку про «самый ценный ресурс». Меня не проведешь.

Я надеваю на лицо дежурную улыбку и приторно сладким голосом отвечаю:

— Максим Романович, давайте обсудим детали сейчас? Или потом, а то меня уже ждут. И простите, но весь вечер я

планирую посвятить подготовке к завтрашним съемкам. Не хочу упасть лицом в грязь и тратить время, — намеренно выделяю последнее слово, — зря.

Губы генерального трогает легкая усмешка.

— Я тебя слышал. Хвалю твою целеустремленность. Рад, что ты так настроена на результат. Обсудим позже.

Выдыхаю. Я все сделала верно!

— Максим Романович, можно спросить? — решаюсь задать тревожащий меня вопрос.

— Можно.

— Вы не пойдете знакомиться с командой?

— Нет, я с ней уже знаком.

Какая чудесная новость! Мне сразу становится легче. Надеюсь, я радуюсь не слишком бурно.

— Хорошего дня, Кира. Поужинаем в другой раз.

Генеральный поднимает воротник своего черного пальто и уходит, оставляя после себя кедрово-мускусный аромат.

С минуту я стою на месте, как вкопанная.

Поужинаем в другой раз?

У меня внутри все холодеет, а потом наоборот, резко бросает в жар.

Я охаю и прикрываю рот ладонью с круглыми глазами. Прокручиваю в голове наш недолгий разговор и прихожу в ужас. Так он не проверял меня с этим ужином? Вправду звал?

Это что же получается? Мне ничего не показалось, и я

отшила самого Рокотова?

Ну, то есть как отшила — он решил, что я отказалась только из-за работы. И явно не намерен отступать.

Мамочки...

Глава 9. Всё сложно (с)

Кира

В состоянии глубокой задумчивости я топаю вперед по коридору.

М-да, впору ставить в соцсети статус «все сложно».

Ну на кой черт я сдалась Рокотову? К чему этот его интерес? Варианта у меня два: плохой и ужасный.

Плохой: он делает все это ради себя любимого, ради проекта, чтобы я старалась еще лучше. Присматривает, чтобы я вдруг чего не вычудила.

Если так, то это он зря: я и без него готова выложиться на сто один процент, лишь бы все выгорело и я вернулась к своей обычной жизни.

Тут же вспоминаю Лизу и наш с ней разговор. Эх. Как раньше уже не будет. Но что-то делать все равно надо. Решаю вечером позвонить Милане, нашей новенькой модели. Ну вот не верю я, что все девочки как одна решили устроить мне бойкот! Надо заручиться хоть чьей-то поддержкой.

Так. Снова мысленно возвращаюсь к Рокотову. Теперь ужасный вариант его внезапного интереса: он решил замутить с простой девушкой ради разнообразия. Ну, типа надоели ему расфуфыренные кокетки. Чем черт не шутит, может, он вообще только из-за этого меня и выбрал. Зачесалось у него одно место, и вперед, мадмуазель Васнецова, давайте,

на амбразуру!

И тут есть бо-о-ольшая такая проблемка: я однозначно не готова становиться подстилкой на пару ночей. Такой тип отношений не для меня. Даже если Рокотов решит отдариться дорогими подарками — это еще хуже. Буду чувствовать, что продалась за пару побрякушек или яблофон последней модели. Брр... Я привыкла работать руками или головой, а не этим самым местом.

Только вот Рокотов не привык к отказам. Вон чего вышло, когда я отказалась сниматься.

Подергиваю плечами, представляя, как он силой затаскивает меня в постель. Да ну, бред, не совсем же он ку-ку. Одно дело — работа, другое — личная жизнь. Если что, четко выскажу свою позицию, он поймет и отстанет.

«А если я ему правда понравилась? Ну так, не на один-два раза?» — всплывает в голове.

Пф, вот еще. Сама усмехаюсь своим мыслям. Жил-жил Рокотов, не обременяя себя стабильными отношениями, а тут его ни с того ни с его жареный петух клюнул в одно место? Нет, не верю. Мы из разных миров, у нас из общего разве что одно: мы оба люди.

Скрещиваю пальцы на удачу — чтобы у генерального в ближайшие дни образовалась дикая загрузка по работе и ему было не до меня.

А там, глядишь, его интерес и угаснет.

На этой финальной мысли мне немного легче, и я топаю

уже бодрее.

Знать бы еще куда!

По ходу я заблудилась...

Коридор мало того, что петляет, так еще и какой-то бесконечный.

Черт, водитель вроде бы рассказывал, что студия не просто большая — огромная, тут куча интерьерных помещений для съемок на все случаи жизни. И подсобки, подсобки, подсобки...

Достаю телефон из кармана, чтобы позвонить режиссеру, и вижу, как из-за угла выворачивает полная женщина невысокого роста с темными волосами, уложенными в улитку.

У нее в руках огромная куча какой-то одежды, которая закрывает ей обзор. Она даже меня не заметила. Я недоумеваю: она что, идет на ощупь?

Вдруг одна из вещей падает на пол, но женщина продолжает двигаться вперед маленькими, но весьма быстрыми шажками. Я мигом подлетаю, поднимаю вещь — лавандовое платье без рукавов и звонко зову:

— Стойте!

Она послушно останавливается, изучает меня недовольным взглядом и хмыкает:

— Что такое? Все потом, потом. Я очень тороплюсь!

— Вы платье уронили, — мягко улыбаюсь. — Может, вам помочь донести это все?

— Ну помоги, коль не шутишь. — Ее тон становится доб-

рее.

Потом она сгружает на меня половину вещей, и я шагаю за ней.

Вскоре женщина хлопает себя рукой по карману, достает ключ и открывает дверь.

И я оказываюсь в царстве одежды. Современной, под старину, состаренной специально, со стразами и без, из воздушных и тяжелых тканей и так далее. Изумленно охаю, обводя все это роскошество взглядом. Офигеть, сколько тут всего!

— Я Мария Ивановна, — представляется новая знакомая. — Костюмер. Можно просто: тетя Маша. Что, нравится?

— Очень! — восхищенно округляю глаза я. — Я Кира. Вот бы примерить хоть парочку нарядов...

— Можно я к вам как-нибудь потом приду? Такая красотища! Хочется поближе рассмотреть.

— Можно, — улыбается собеседница.

В это время звонит мой телефон, и я отвечаю.

— Где тебя черти носят? — раздается из трубки ор. — Вся команда ждет только тебя!

Режиссер.

— Простите, я заблудилась.

Краснею, потому что тетя Маша становится невольным свидетелем моего разговора, а Радковский орет так, что я вынужденно отслоняю мобильный от уха.

— Передай ему, что я провожу тебя, — шепчет костюмер.

— Владимир Игнатович, я скоро буду.

Кладу трубку.

— Ты с Радковским работаешь? — вопрошает Мария Ивановна.

— Ага. Новенькая. Только сегодня приступаем к съемкам. Вижу в ее взгляде сочувствие.

— Суровый мужик. Но работу свою знает. Ты не обращай внимания на его эмоциональные всплески, он сейчас разводится с женой. Она от него ушла к молодому парню, вот он и бесится. Оно и понятно, двадцать лет жили душа в душу.

Ого. Обычно седина в бороду, бес в ребро — это о мужчинах. А тут наоборот.

Проникаюсь невольным сочувствием к Радковскому. Хотя, вообще-то, мог бы и не выливать свою злость на сотрудников.

— Ну, пойдем, что ли?

Мы выходим из царства костюмов, и Мария Ивановна провожает меня к команде.

Мы сворачиваем несколько раз, и каждый коридор мало отличается от предыдущего. Немудрено, что я заблудилась.

Первое, что я вижу, когда оказываюсь в нужной интерьерной студии, — несколько пар глаз, устремленных на меня. И поджатые губы режиссера.

Мария Петровна подталкивает меня вперед.

Я спотыкаюсь и неуклюже выпрямляюсь.

— Привет, я Кира.

Глава 10. Босс должен упасть в обморок от восторга

Кира

И начинается... Мне по очереди представляют команду, с которой мне предстоит работать следующие несколько недель.

Второй режиссер, продюсер, оператор, второй оператор, редактор, гример, декоратор, фотограф...

Я даже не стараюсь запомнить их всех по именам, все равно не получится.

Постепенно разберусь.

Команда вразнобой здоровается, показывают камеры, свет, делятся, как все устроено.

Ведут себя в основном сдержанно, но один молодой парень фриковатого вида надувает губы уточкой и закатывает глаза, проводя по мне взглядом сверху вниз.

Вот гад пупырчатый!

А потом мне показывают «комнаты». Ну, то есть увидела я это все сразу, как только вошла, но теперь показывают поближе. Тут есть и кухня, и зал, и спальня, и даже ванная комната. Как будто настоящая квартира, только расположение комнат не как мы привыкли, а отдельными блоками.

В общем, интерьер на все случаи жизни. Чуть дальше,

в углу, все необходимое для фотосъемки. Разные приборы, лампы, огромное натянутое белое полотно. И зеленый экран еще левее. Это хромакей, с его помощью можно наложить любой нужный фон в фоторедакторе: хоть Мальдивы, хоть бабушкин сарай.

Я видела такие и у нас в агентстве. Ну, хоть что-то знакомое.

— Тебя будут снимать в зале и на кухне, — сразу поясняет Радковский. — Сегодня будем фотографировать.

Сегодня?

— Валерий! — зычно зовет Владимир Игнатович, и к нам подходит... тот самый пупырчатый гад. — Забирай нашу красавицу, сделайте пробный фотосет.

— А переодеваться не надо? — поднимаю бровь я.

— Не надо, пока просто выставим свет и найдем твой рабочий ракурс.

— Хорошо.

Я вздыхаю и иду за Валерием. Дал же бог имечко... Мой бывший, Валера, оказался тем еще гадом.

Чую, и этот не лучше. Я ему еще ничего не сделала, а он уже смотрит свысока.

На нем серые потертые джинсы и белая футболка с дырками. Русые волосы убраны вверх на манер ирокеза. И подведенные карандашом глаза.

А еще от него тошнотворно пахнет. Уж не знаю, что это за духи, но ему самому, похоже, нравится. Вон какой само-

довольный.

— Давай, красотка, — его тонкий высокий голос сочится ядом, — поехали.

Он приказывает мне встать в середину.

— Что мне делать?

— Покажи себя, — гаденько улыбается Валерий.

Я лихорадочно перебираю в голове позы, которые обычно видела в журналах или на съемках у нас в агентстве. И старательно принимаю каждую из них.

Щелк, щелк, щелк.

Минут через пять, когда у меня начинают ныть мышцы, в том числе мышцы лица — от намертво приклеенной улыбки, Валерий наконец-то останавливается.

— Хватит, достаточно для первого раза. Отдохни.

Он разворачивается и уходит.

И все? Я думала, он мне покажет результат на экране фотоаппарата. Или по крайней мере скажет хоть что-то. Получилось? Не получилось? На сколько баллов по десятибалльной шкале?

Ну ведь гад и есть!

Ладно, пока есть время, схожу в туалет.

Узнаю маршрут у того самого рыжеволосого Игоря, который встретил меня утром у входа, и топаю в нужном направлении.

Когда возвращаюсь, за секунду до того, как повернуть за угол, слышу два голоса. Один из них точно принадлежит Ва-

лерию.

Во втором узнаю Владимира Игнатовича. Подслушивать, конечно, нехорошо, но я же не специально. Замираю на месте.

— И что мне с ней делать? — чуть ли не хнычет Валерий. С ней? С кем с ней? Интересно, о ком речь?

— Валера, — грозно рывкает режиссер, — делай что хочешь, но мне нужна самая лучшая картинка! Чтобы Рокотов упал в обморок от восторга!

— О, он упадет в обморок, — шипит Валерий, — когда увидит это бревно на фото!

— Работай с тем что есть. Или ты зря считаешься одним из лучших? Ты фотограф, вот и действуй. Давай там, подключай свои штучки-дрючки, раскрепощай, мотивируй, вдохновляй, подбадривай Киру. Не мне тебя учить. Мне нужен результат!

Их голоса затихают, а я стою на месте. Ощущение, будто меня окатили холодной водой из шланга.

Я-то старалась, думала, вышло нормально. Тем более для первого раза. Но бревно?

На глазах сами собой появляются злые слезы.

Я тебе, Валерий Гадович, еще покажу бревно! Ты у меня еще в комплиментах рассыпаться будешь и извиняться за то, что не оценил.

Однако настроение летит в трубу со скоростью света.

Я возвращаюсь в студию, но Валерия не вижу. Ну и слава

богу, я бы, наверное, не смогла сдержаться и высказала этому напыщенному индюку все, что о нем думаю.

Владимир Игнатович просит меня ознакомиться с комнатами, в которых меня будут снимать. Постоять тут, посидеть там. Попробовать пооткрывать ящики, походить по комнатам, пообвыкнуться.

Делаю, что приказано.

Потом мне показывают часть техники — ту, что уже успели привезти. Тут и робот-пылесос, и кофемашина, и чайник, и тостер.

Все такое чистенькое, блестящее. И пользоваться из всего этого я умею разве что чайником. Ну, тостер вроде тоже не сильно сложный агрегат. Кофемашина есть в агентстве, разберусь.

Но вот робот-пылесос... Я-то у себя дома мою полы по старинке, шваброй и тряпкой. Кручу-верчу этого белого кругляша в руках, не знаю, как подступиться. Хорошо хоть, настраивать его не мне.

Интересно, а куда это все денут после съемок?

— На сегодня все! — раздается громкий голос режиссера.

И я выдыхаю.

Народ постепенно разбредается. Владимир Игнатович останавливает меня жестом:

— Кира, поздравляю с первым рабочим днем. Молодец, отлично держалась. Хорошенько отдохни и не забудь выучить сценарий.

Мои глаза в прямом смысле лезут на лоб. Он ничего не говорит о тираде Валерия, наоборот, подбадривает? Вот так да...

— Спасибо, — спешно благодарю его. Смотрю с подозрением. Вдруг еще что добавит?

Однако этого не происходит.

— Иди.

И я ухожу. Звоню водителю. Оказывается, он уже ждет меня на стоянке, и вскоре мы катим по улицам Питера домой.

Я и утром не успела рассмотреть город, и сейчас не до того.

И вот еще что странно: ни о каком личном транспорте не было речи, а тут нате вам, выдали. Явно Рокотов расщедрился.

Хм.

Не успеваю я попрощаться с водителем и подняться домой, как в дверь звонят.

Может, я что-то оставила в машине, и водитель вернулся, чтобы отдать.

Хотя вроде ничего не забывала.

Открываю и вижу молодого парня в синей форме с огромным букетом роскошных бордовых роз на длинной ножке.

— Вы Кира Васнецова?

— Да.

— Тогда это вам. — Он вручает мне цветы и просит расписаться в бланке.

Я закрываю за ним дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Погружаюсь носом в это ароматное благолепие и нюхаю.

Потом рассматриваю цветы тщательнее. Может, тут есть карточка? В итоге ничего не нахожу.

Впрочем, мне не нужна никакая карточка, чтобы понять, кто прислал эти цветы.

Глава 11. День подозрительных взглядов

Кира

Я спешно выбегаю из подъезда и сажусь в ожидающую меня у подъезда машину. Опаздываю на целых десять минут. Вообще-то, я не виновата, это все барахлящий замок — никак не хотел запираяться.

Неожиданно громко закрываю дверь, машинально морщусь и натываюсь на нахмуренные брови водителя.

Однако он ничего мне не говорит. Я знаю, как трепетно многие шоферы относятся к своим машинам и к тому, как пассажиры от всей души хлопают дверью, поэтому тороплюсь сгладить ситуацию:

— Доброе утро. Простите, я не нарочно.

Ж-ж-ж...

Это вибрирует телефон в моем кармане.

Я достаю его, и мои губы трогает легкая улыбка, когда читаю сообщение.

«Таблетки выпила, все хорошо. Удачного дня, доченька».

«Доброе утро! Спасибо, мамулечка», — шлю в ответ.

Удача мне точно пригодится.

Я достаю из сумки сценарий, чтобы бегло прочитать его по пути. Бубню себе под нос речовки для рекламы. Главное

— не напутать, что за чем идет, а то опять получу нагоняй от режиссера.

Правда, повторять толком не получается, вместо букв перед глазами то и дело всплывают подаренные генеральным цветы.

Как это все не вовремя! Мало мне съемок, так еще сиди, Кира, и кумекай, что значат эти цветы и чего Рокотов от тебя хочет. И как тактично отказать, если он просто решил развлечься.

Поднимаю глаза, и в зеркале заднего вида отражается подозрительный взгляд водителя.

Чего это он на меня так странно пялится? Рука невольно тянется к волосам. Может, что-то застряло? Я приглаживаю их, затем поправляю воротник.

Вроде все в порядке.

Через полчаса бодро шагаю по студии.

«Я спокойна, я спокойна», — повторяю про себя мантру. Как меня сегодня встретят?

Практически сразу сталкиваюсь с Владимиром Игнатовичем.

— Доброе утро, Кира. Как ты, как настрой? — Его голос мягкий и тягучий, словно мед.

Недоуменно оглядываю пространство вокруг режиссера в поисках мухи, которая его укусила. Иначе с чего он вдруг такой добрый?

— Ты готова? — тем же тоном продолжает Радковский. —

Иди переодевайся, и можем приступать. Давай постараемся, чтобы у нас сегодня все получилось.

— Давайте, я готова.

По очереди здороваюсь с остальной командой. И они тоже все, как один, приветливые и доброжелательные.

Я даже фотографа-гада Валерия поблизости не наблюдаю.

Э-э-э... Я что, умерла и попала в рай?

А может, это Рокотов всех пропесочил, раздал очередные ценные указания? Или режиссер со всеми поговорил? Потому что все слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Чую подвох. И он не заставляет себя ждать.

После того, как меня переодевают и красят, возвращаюсь обратно.

— Начнем с кухни, — командует режиссер, и все, в том числе и я, занимают свое место.

Загорается свет, и я разом забываю данное мне минутой назад наставление: не обращать внимания на камеры, лампы и микрофоны. Их тут нет, есть только я и обстановка.

А что делаю я? Правильно, смотрю на одну из ярких ламп и мигом зажмуриваюсь, на какое-то время слепну. Это вам не просто на лампочку в квартире посмотреть, это гораздо хуже. И ведь знала, что нельзя смотреть. И не хотела. Оно само, чес слово!

— Стоп! — орет режиссер. — Кира, я ведь предупреждал.

— Прошу прощения, — расправляю плечи и виновато улыбаюсь, — больше не повторится.

Оператор ободряюще мне кивает, показывает «ок» пальцами.

И через минуту мы все снова погружаемся в рабочий процесс. Я старательно улыбаюсь, хожу по кухне согласно сценарию.

— Стоп, снято, — наконец-то раздается голос режиссера. — Кира, подойди.

Я вздыхаю. Похвалит или поругает?

Пока иду, обращаю внимание, как за столом с кофе суетится рыжик Игорь и кидает на меня подозрительные взгляды. Будто хочет что-то сказать, но не решается. Хм.

Огибаю стойку с камерой и замираю.

Из-за спины Владимира Игнатовича, словно черт из табакерки, появляется Валерий. Мнется в нерешительности.

Режиссер пихает его в спину.

— Валерий хочет что-то тебе сказать. Да, Валерий?

Тот опускает голову и нехотя выдавливает:

— Да. Кира, я прошу прощения за вчерашний день, я вел себя не очень тактично.

Я глубоко вдыхаю и закашливаюсь. Не очень тактично? Скорее, очень нетактично. Хотя они ведь не знают, что я подслушала их разговор.

М-да, видать, крепко ему от режиссера досталось, раз извиняется.

— Начнем сначала? — натянуто улыбается Валерий и протягивает мне руку.

Э-э-э... Решаю, что худой мир лучше доброй ссоры, и тяну свою в ответ.

— Конечно. Владимир Игнатович, я успею попить кофе? — обращаюсь уже к режиссеру.

— Успеешь. Для первого раза вышло очень неплохо, но постарайся вести себя более раскованно и естественно. Забудь, что мы все здесь. Ты у себя дома, тебе комфортно и уютно.

Ага. Будет тут уютно, когда на одну меня разом смотрят несколько пар глаз.

Я подхожу к столу с кофе-печеньками, наливаю себе кофе и иду в коридор.

Хочу поговорить с Игорем, узнать, почему он на меня так косился, однако у стола его уже нет. Может, застану в коридоре.

Но там его тоже нет. Замираю у стенки, подпирая ее левым плечом и попивая кофе. Тихонько повторяю слова.

Вдруг на мою талию справа ложится чья-то рука, и я подпрыгиваю на добрый метр с бешено колотящимся сердцем. Кофе ожидаемо взлетает вверх из стаканчика, но, слава богу, в обратную от меня сторону.

Оборачиваюсь и вижу перед собой... Рокотова.

— Максим Романович! Что вы себе позволяете? — взвизгиваю я.

— Не думал, что ты такая пугливая, — с насмешкой говорит он, не обращает никакого внимания на мой тон и вместо

извинений за свою бестактность требует:

— Протяни руку.

Я мешкаю. Зачем ему моя рука?

— Ну же, — его голос становится строже.

Я протягиваю, и генеральный застегивает на моем запястье фитнес-браслет прежде, чем я успеваю что-то понять.

Пока я ошалело на него смотрю, Рокотов легонько проводит пальцами по моей руке. Вижу, что браслет дорогуший, потому что одна из моделей хвасталась таким подарком от поклонника.

Я отдергиваю руку, пытаюсь снять часы второй.

— Не надо мне таких подарков, заберите!

— Часы — это не подарок, Кира, это рабочий инструмент. Чтобы ты не опаздывала.

— У меня есть телефон, чтобы следить за временем!

— Что-то он не очень тебе помогает. Пользуйся этими часами. Считай это частью контракта. Не вздумай их снимать и попробуй только еще раз опоздать.

Не вздумай снимать? Это что еще за приказы? И как теперь их вернуть?

Кровь приливает к лицу, и, пока я пытаюсь прийти в себя от его бесцеремонности и придумать, что ответить, Максим Романович продолжает:

— Выучила сценарий?

— Выучила.

— Тогда заеду за тобой в восемь.

В смысле?!

Снова не спрашивает, а ставит перед фактом. Как будто мое мнение ему вообще не интересно. Хотя о чем это я, так оно и есть. Наглый чурбан! Как с ним девушки общаются? Решаю все прояснить здесь и сейчас.

— Максим Романович, давайте не будем усложнять наши отношения... — начинаю я, но он меня перебивает:

— Усложнять? Так я тебе ничего серьезного и не предлагаю.

Рокотов ухмыляется и смотрит на меня как мартовский кот.

Зависаю на пару секунд. Так. Цветы, теперь вот часы. Если бы действительно просто хотел, чтобы я не опаздывала, мог подарить обычные, дешевенькие, а не стоимостью в пару-тройку моих зарплат. Еще и за талию приобнял, будто в порядке вещей. А это совсем ни в какие ворота не лезет! Ну, точно заигрывает.

Ничего серьезного Рокотов мне, видите ли, не предлагает. Значит, я все правильно поняла: он хочет поразвлечься и действует так, словно я заранее на все согласилась. Да за кого он меня принимает?!

Окончательно закипаю и взрываюсь:

— Максим Романович, давайте оставим наши отношения в рамках деловых! И цветы, пожалуйста, мне тоже больше не присылайте!

— Цветы? — Я ловлю на себе очередной подозрительный

взгляд за день, на этот раз от Рокотова. Его тон сквозит удивлением. — Кира, я не присылал тебе никаких цветов.

Глава 12. Поклонник? Маньяк!

Кира

— Кира! — нависает надо мной режиссер и смотрит строго-строго. — Это совершенно никуда не годится. Ты почему такая взвинченная, как на иголках? Третий дубль в никуда! Почти две недели прошло, этак мы не успеем к сроку. Давай, соберись.

Стою, виновато понурившись.

— Я постараюсь, Владимир Игнатович.

— Перерыв десять минут, и приступаем.

Я наливаю себе чаю в стаканчик и иду на улицу — чуть подышать морозным воздухом.

Впервые за долгое время небо прояснилось. Может, и в голове прояснится?

Стою, выдыхаю пар и рассматриваю проходящих мимо людей.

М-да, и винить некого, кроме себя. Кто же знал, что для успешных съемок мало нормального отношения со стороны команды? Ведь теперь я сама, точнее моя нервозность, — главная проблема. Хотя как это некого? Очень даже есть кого — Максима Романовича.

Еще бы мне не быть взвинченной.

Я в вечном ожидании приезда босса. Жду, когда он появится и мы закончим наш прошлый разговор.

В тот раз нас прервал звонок его мобильного. Генеральный молча выслушал говорившего, коротко бросил в трубку «Понял, скоро буду», окатил меня ледяным взглядом. Припечатал: «Мы еще поговорим, Кира».

И был таков.

С тех пор от него ни слуху ни духу, зато я как натянутая тетива. Встречаю взглядом каждого заходящего в студию, и ничего не могу с этим поделать.

Хозяин судьбы, блин. Бесят меня такие люди. Считают, что могут выложить сумму, за которую я батрачу несколько месяцев, и дело в шляпе. Мол, все в этом мире покупается. Все да не все, Максим Романович! Я вот точно нет.

И хоть моя позиция в этом плане весьма четкая, и я считаю, что поступила верно, все равно предстоящий разговор страшит. Вдруг все-таки переборщила, и он решит отыгаться за отказ? Как же, роковому и неотразимому генеральному дали от ворот поворот. Что, если взбеленится и лишит обещанной премии, к примеру? Или и вовсе уволит после съемок?

А я на эту премию очень рассчитываю, стараюсь очень, остаюсь после съемок, чтобы порепетировать. Мне без этой премии никак. Это ж, считай, едва ли не половина от всей суммы!

Все, что мне удалось выяснить, — это что случилось какое-то происшествие на одном из предприятий холдинга, и Рокотов срочно туда выехал. Спасибо Тане, принесла раз-

ведданные. Только вот когда генеральный вернется — неизвестно.

И все это время я в подвешенном состоянии.

Хотя у меня и кроме генерального забот хватает. Все эти розы проклятушие! Я была ошарашена едва ли не больше Рокотова, когда узнала, что это не он. Кто тогда?

За прошлые две недели мне еще два раза доставляли букеты. Последний — вчера, и тоже без карточки. Только теперь эти букеты вызывают во мне отнюдь не хорошие чувства. Кому понадобилось их дарить?

У меня тут поклонников нет! Я тут даже никого не знаю, весь мой круг общения ограничивается водителем да студией.

Я грешным делом думала на кого-нибудь из команды, в конце концов после второго букета начала напрямую спрашивать мужчин, не присылал ли мне кто цветов, но нет.

Даже у фотографа Валерия спросила. Однако тот так на меня вытаращился, что я сразу поняла: дала маху с таким предположением. До роз нам с ним далеко.

Правда, у рыжика Игоря не узнала, он заболел в третий день съемок и его до сих пор нет. Но вряд ли это он, розы-то явно дорогушие, да и болеющему человеку, скорее всего, совсем не до отправки букетов.

В общем, опрос ничего не дал. Ясно одно: завелся у меня то ли поклонник, то ли маньяк, то ли поклонник-маньяк. Что тоже ни разу не добавляет спокойствия и уверенности. Ну

серьезно, кто в здравом уме решит слать цветы, оставаясь при этом в тени? Ну, ладно в первый раз это можно счесть романтичным, но в третий...

Маме, конечно, я говорить ничего не стала. Ей за эти две недели один раз все-таки пришлось вызывать скорую — давление шаршило. И я не рядом... Слава богу, все обошлось. Хотела даже лететь обратно, но мама отговорила.

С розами я рассудила так: в следующий раз попросту не открою дверь службе доставки, пусть уносят эти цветы куда хотят.

Я и прошлый букет сразу выкинула. Жутко стало. Знаю, звучит как бред, но эти розы создавали ощущение, будто я не одна в квартире. Даже спала с включенным светом, чего ни разу не было лет этак с десяти.

Скорее бы оставить все это позади, завершить съемки и вернуться домой. Там хорошо, уютно и спокойно.

Из-за моего состояния даже фотосет пришлось отложить. Валерий все отснятое отбраковал: то не так стою, то не так смотрю, то еще что. Зажатая, в общем. Хотя он честно старался меня подбадривать, за что ему большой плюс.

Впору просить Рокотова выяснить, кто этот таинственный даритель цветов.

Но быть должной ему страсть как не хочется, да и нет его тут все равно. Сдается мне, прикажет самой разбираться со своими поклонниками. Типа ей тут цветы дарят, а она носом воротит, паца. Вот еще, тратить свое царское время на вы-

яснение такой мелочи. Радоваться надо, а не нервничать.

Я делаю глоток обжигающе горячего чая, и внутри разливается приятное тепло. Выкидываю пустой стаканчик в урну и смотрю на часы на левой руке.

Да-да, те самые. Очень хочется их снять — в знак протеста. Но не решаюсь. И больше не опаздываю. Специально выхожу на пятнадцать-двадцать минут раньше, чтобы не вызывать гнева Рокотова.

— Часы — часть контракта... — невольно кривляю генерального вслух. — Хренакта, блин!

Так, до конца перерыва пять минут, пора возвращаться.

Я захожу в пустую подсобку, снимаю пальто, вешаю его на вешалку, но повернуться не успеваю.

На мои глаза ложатся чьи-то ладони.

Глава 13. Ща всё будет

Кира

Я резко поднимаю руки, сбрасывая чужие ладони с глаз, и быстро разворачиваюсь.

— Ты?!

Сердце продолжает бешено стучать, и я готова хорошенечко приложить стоящего напротив меня... рыжеволосого Игоря.

— Ты в своем уме? Зачем подкрадываешься? Что это такое вообще?

Офигеть, блин! Мы с ним и знакомы-то всего ничего, учитывая, что он долго болел, а он ведет себя так, словно так и надо. От Рокотова опылился, что ли?

Игорь недоумевающе хмурится и поднимает ладони в примирительном жесте.

— Ты чего такая нервная, Кир? Привет. Ну извини, я не хотел тебя напугать.

— Не хотел, но очень даже получилось! — фырчу я, пытаюсь успокоить дыхание.

— Странно, раньше ты на такое реагировала нормально, — склоняет голову набок Игорь и загадочно улыбается.

— В смысле раньше?

— В прямом. Не говори, что не узнала меня.

— А должна? — скрещиваю руки на груди и приподни-

маю бровь.

Игорь на мгновение теряется.

— Ну... я думал... хотя... Я тоже сначала сомневался, ты ли это, все присматривался. Но сейчас, когда увидел, как стоишь на улице в своей любимой позе, так и убедился: это ты.

Он с усмешкой кивает на мои ноги.

Я и теперь непроизвольно стою по привычке, скрестив ноги на манер перевернутой четвертой позиции у балерин. Мама с детства смеялась, как я так не падаю. А мне нормально.

— Ты ведь на второй день на меня косилась, ну, перед тем, как я ушел на больничный, — добавляет Игорь, — вот я и решил, что тоже меня узнала.

Я задумчиво хмурю брови. Я на него косилась только потому, что на меня косился он. Но выходит, мы знакомы?

Смотрю на рыжие волосы Игоря, усыпанное веснушками лицо и... все равно не узнаю.

Развожу руками и качаю головой:

— Прости, я тебя не помню.

— Ну Игорь, Петрушин. Ты меня Петрушкой звала. Мы вместе учились до девятого класса. В кукольный театр ходили. Даже как-то раз вели школьный концерт.

«Петрушка» срабатывает. Память начинает возвращаться яркими вспышками. Как мы дурачились, как он провожал меня до дома, носил мой портфель, помогал с домашкой. Как притаскивал киндеры и да, вот так вот закрывал мне глаза перед тем, как их подарить.

Я вспоминаю мелкорослого щуплого мальчугана с рыжими ежиком и сопоставляю его со стоящим передо мной крепким парнем. Да у них ничего общего, кроме огненного оттенка волос! К тому же прошло больше десяти лет с тех пор, как Игорь переехал в другой город и мы перестали общаться. Сначала какое-то время переписывались, но в итоге все постепенно сошло на нет. Немудрено, что я его не признала.

— Петрушин? — округляю глаза я. — Ни фиги себе ты возмужал.

— А то, — приосанивается тот и улыбается во все тридцать два зуба. Затем лезет рукой в карман куртки и достает оттуда... киндер-сюрприз. — Зато ты все такая же, только еще красивее стала. Сладкое все так же любишь?

— Люблю.

— Тогда это тебе.

Я протягиваю руку, благодарю и улыбаюсь в ответ. Вроде мелочь, обычный шоколад, а настроение поднимается впервые за долгое время.

— Рассказывай, как ты тут? — интересуется Игорь, вешает куртку рядом с моим пальто.

Я вздыхаю, кошусь на часы.

— Не очень, — поджимаю губы. — Но сейчас некогда, давай после съемок?

— Давай.

И мы с ним идем на рабочее место.

Когда съемочный день заканчивается и уходит последний

человек, мы садимся у кофейного столика и поначалу делимся тем, как жили все это время.

Умеет все-таки Игорь расположить к себе. Всегда умел. Постепенно я чувствую себя все комфортнее и расслабляюсь.

Ровно до того момента, пока мы не переходим к разговору о съемках. Я жалуюсь на то, что они затягиваются. Из-за меня.

— А че не так-то? — искренне удивляется Игорь. — Я помню, как ты в кукольном театре звезда.

— Ну ты сравнил! Одно дело — надетые на руку куклы, где зрители тебя и не видят, а вот играть на сцене самой — совсем другое. Зажатая я. И нервная. Радковский так говорит.

— Если вы не любите кошек, это значит, что вы просто не умеете их готовить! — многозначительно поднимает указательный палец Игорь. И ржет. Затем серьезнеет. — Я уверен, ты справишься, Кир. Вроде бы все было более-менее нормально во второй день. Что изменилось?

Он начинает расспрашивать меня подробнее и присвистывает, когда я сознаюсь, что переживаю из-за тайного поклонника, нервничаю. Вот неудачных дублей и стало больше. О роли Рокотова в этом всем, правда, решаю умолчать.

— Это, кстати, не ты slučajем присылал розы? — подозрительно смотрю на Игоря.

— Да ну, брось, — машет рукой тот. — Конечно, не я. Я

бы в открытую отправил, чего таиться? Ты точно всех спросила?

— Точно, даже водителя. Ума не приложу, на кого думать.

— Тогда не думай, получай удовольствие. Ладно, сорри, неудачная шутка, — видит мой красноречивый взгляд Игорь и умолкает. — Хочешь, попробую пробить, вдруг это действительно кто-то из наших.

— Хочу! — яро киваю я.

— Заметано.

Пиликает мой телефон, и я достаю его из стоящей рядом сумки.

Мама. Отчитывается, что выпила таблетки.

Отправляю смайлик-поцелуйчик и только собираюсь выйти из мессенджера, как вижу входящее сообщение от Таньки, которое я благополучно проморгала.

«Босс приедет в Питер через три дня».

Быстро печатаю «Спасибо!» и убираю телефон обратно. Это же хорошо, даже отлично! Значит, завтра-послезавтра можно не волноваться хотя бы по этому поводу. Выдыхаю и смотрю на Игоря. Он поигрывает бровями.

— Ну что... давай раскрепощаться, что ли?

— Э-э-э... То есть? — подвисаю я.

— Так сама ведь сказала: зажата. Давай, вставай, топай в зал, — кивает друг на один из блоков. — Показывай, как работаешь, попробуем вместе понять, что не так.

Вспоминаю, что Игорь и в школе всегда был человеком

действия.

И то правда, чего рассусоливать.

Вскоре друг выносит вердикт:

— Ну, все понятно.

Ага. Я закатываю глаза.

— Даже Радковскому не понятно, а тебе понятно? Ты думаешь, он не рассказывал мне, как и что делать? Не давал разных советов?

Игорь усмехается.

— Радковский не учился с тобой в одном классе и не знает твои слабые места так, как я. Обычные советы с тобой никогда не работали. Вижу, с тех пор особо ничего не поменялось. Помнишь, как ты психовала перед выступлениями в кукольном театре? И он не знает, что тебе тогда помогло. Зато я помню, потому что это тогда сработало и со мной. До сих пор пользуюсь.

Вот как? Копаюсь в воспоминаниях, но безуспешно. Что-то говорили, но что?

Надо же, какая у Игоря память хорошая, мне б такую.

— Ща все будет, — уверенно заявляет он. — Иди сюда.

Я выхожу из блока и иду обратно, скрешивая пальцы на удачу. Очень хочется верить, что и правда «ща все будет».

В конечном итоге, что я теряю? Попытка не пытка. И минус один повод Рокотову отчитать меня в очередной раз, если дело выгорит. Чую, генеральный и так найдет, к чему прикопаться, когда приедет, чтобы «завершить» наш разговор.

Глава 14. Кира перерожденная

Кира

— Снято! Отлично, Кира, ты умница. Как будто переродилась. На сегодня всё! — Режиссер рассыпается в комплиментах, а я мельком смотрю на Игоря.

Тот подмигивает мне и большими пальцами обеих рук показывает «класс».

С нашего разговора прошло три дня, и дело пошло на лад. Такими темпами через несколько дней я уже вернусь домой.

Игорю удалось вытащить меня из ракушки, объяснить, что было не так. В итоге я наконец-то расслабилась и даже получаю удовольствие от игры на камеру.

Смотрю на друга и словно возвращаюсь в ту нашу беседу.

— Ну, про перевоплощение на сцене рассказывать не буду, наверняка и без меня справились, — уточняет Игорь.

— Ага, — киваю я.

— Вижу, не сработало. Пойдем другим путем. Ты и в школе была слишком ответственной, и сейчас придаешь слишком большую важность этим съемкам. Как будто должно получиться на сто процентов, девяносто — это уже говно, а не результат. И понравиться должно всем и каждому. Типа или суперпупер, или никак.

— Ну... да, — признаю я.

Вспоминаю наставления бабушки: или делай отлично, или

не берись совсем.

— Из-за этого твои ожидания взлетают до неба. Как и твоя тревога. Ты боишься.

— Боюсь, конечно! Это ведь не ролики для семейного просмотра! — поясняю очевидный факт.

— Выходит, делаешь всё из страха. При этом почему-то уверена, что успех — он общий, ты как бы не при делах, это всё команда постаралась. А вот неудачи — твои, личные. Именно тебя, а не команду, осудят, будут тыкать пальцами: ага, не справилась, вот лохушка! Короче, только ты накосячила, а остальные — молодцы, четко отработали. Так?

Я крепко задумываюсь. Так и есть. Разделить успех с другими — да легко. Вон ведь как команда старается! А неудачи я приписывала себе.

— Так, киваю. — Игорь, ну это же не дело — винить во всем других.

— Про всё и всех я и не говорю. Это уже другая крайность, когда во всех бедах виноват кто угодно, а сам человек белый и пушистый. Я не об этом.

— А о чем?

— О том, что неудачи надо разделять, как и успех. Ты ведь тут не одна. Скажем, редактор так написал текст, что ты спотыкаешься, когда говоришь. Но это ведь не твоя ошибка — его. Перепишет, и ты произнесешь как надо. Понимаешь, о чем я?

— М-м-м... Кажется, да.

Я и правда не смотрела на это с такой стороны. Считала, будто все уже отработали на сто процентов, вообще не ошибаются и дело только за мной.

— Слушай, тебе бы в психологи! — заявляю другу.

— Я и отучился три курса, — улыбается он. — Потом понял, что кино и режиссура мне все-таки ближе, и вот я здесь. Ладно, давай дальше?

— Давай.

— Я ведь вижу, что ты очень жизнерадостный человек. Но сейчас так сильно боишься негатива в свой адрес, что именно его видишь во всем вокруг. Ну там, мешает яркий свет, ожидания режиссера. И твои, кстати, тоже. Начальник твой маячит, насаждает. Да куча всего. Например, что эта реклама людям не нужна, что это такое себе впаривание.

— Да, были такие мысли, — признаю я.

— И розы эти, в конце концов. Расстраивают, отвлекают. Так?

— Так.

— Всё ровно наоборот. Тебе всё и все помогают, Кира.

— В смысле? — недоумеваю я.

— В прямом. Именно для тебя включены камеры. Тебя сюда привозит водитель, ты не шлепаешь пешком по мерзослякоти. Для тебя написали сценарий. Красивая одежда и макияж, прическа — тоже помогают.

— А розы?

— И даже розы. Твой поклонник наверняка хочет тебя

порадовать, а не напугать. Знай он, как ты реагируешь на эти букеты, вышел бы из тени и извинился.

— Думаешь?

— Уверен!

— Ну, может быть, — хмыкаю я. В это мне почему-то не очень верится.

— И последний важный момент. Пойми, ты не втюхиваешь людям технику, которая им даром не сдалась. Они будут ей пользоваться и сэкономят время, которое смогут потратить как хотят.

Ох, слышала я уже про то, что время — самый ценный ресурс...

— Но... ролик ведь всё равно кому-то да не понравится. И техника не всем нужна.

— Конечно, — сразу соглашается Игорь. — Даже фисташки не всем нравятся, а ты тем более. И реклама рассчитана на отдельную категорию людей, а не на все восемь миллиардов. Главное, ты сделала все, что могла. Сделала — и отпусти! Оценивать не тебе. Кому надо, примут с радостью. Нет — пройдут мимо. Взять вот хотя бы наш разговор.

— А что с ним?

— Ну, вот у тебя, — смеется Игорь, — сразу мысли заработали в нужную сторону, потому что ситуация твоя, страхи твои, и слова те, что нужны именно тебе. А пройди мимо кто-то, у кого таких проблем нет, покрутит пальцем у виска: что за заумная хренотень. Это нормально. Всему свое время

и место.

М-да, вот уж точно. Лично для меня очень даже время и место.

Я замолкаю и будто наяву чувствую, как в моей голове скрипят шестеренки. Издают противный скрежет, а потом начинают крутиться.

Игорь во всем прав.

Я четко осознаю: большие деньги за работу вместе с радостью приносили тревогу — их ведь надо отработать на «отлично», чтобы никто не придрался. Теперь меня устроит и «хорошо».

И всё мне помогает.

Так и записала на подкорку.

Я снова возвращаюсь в настоящее и замечаю, как меня приглашающим жестом подзывает тетя Маша.

— Кирочка, — шепчет она заговорщическим тоном, когда я подхожу ближе, — ты хотела устроить фотосессию в платьях? Если ты свободна, можем устроить ее прямо сейчас. У меня для тебя есть такое платье — м-м-м!.. Как раз сегодня вернули со съемок.

Мои глаза загораются, и мы с Марией Ивановной спешим в костюмерную.

Когда она показывает то самое платье, я восхищенно охаю.

— О боже! Какая красотища!

Трогаю почти невесомую ткань и млею от восторга. Это

платье очень похоже на наряд Золушки из фильма, что вышел в прокат несколько лет назад. Кажется, Золушку в нем играла Лили Джеймс.

Нежно-голубой цвет, шелк и органза, открытые плечи — чистый восторг!

— Мне правда можно его примерить?

— Правда. Давай помогу, а то ты сама не затянешь корсет. Да и с кринолином придется помучиться.

Спустя пятнадцать минут все готово. Я смотрю на себя в зеркало и не узнаю.

Ну принцесса, и только! Волосы лежат мягкими локонами, красивый макияж, который остался после съемок. Грудь приподнята корсетом, даже талия узкая-узкая, хотя тетя Маша не затягивала меня сильно, чтобы я могла дышать.

— Доставай свой телефон, — довольно потирает руки она.

Я тянусь рукой к сумке и понимаю, что забыла ее в подсобке вместе с мобильным.

— Теть Маш, он в сумке, я ее забыла. Сейчас сбегаю.

Мария Ивановна смотрит на меня с явным сомнением во взгляде.

— Ты уверена, что дойдешь туда в таком наряде? Может, мне сходить?

— Не-не, я сама. Всегда хотела на себе прочувствовать, как дамы умудрялись ходить и танцевать в таких нарядах. К тому же уже все разошлись.

— Ла-а-адно. Только осторожно, не торопись и юбку приподнимай при ходьбе.

— Конечно.

Я выхожу из костюмерной и осторожно двигаюсь в нужную сторону. Представляю себя настоящей принцессой, которая вышла на прогулку.

Даже плечи расправлены больше, чем обычно. Не хватает только принца, коня и кареты.

Незаметно для себя начинаю петь себе под нос и пританцовывать, поддерживая юбку, выкруливаю за угол и впечатываюсь в чью-то мощную грудь.

Поднимаю глаза и вижу... Рокотова. Он удерживает меня за плечи, чтобы я не упала.

Максим Романович приподнимает бровь, опуская взгляд в мое декольте, а затем его губы трогает усмешка.

— Привет, принцесса. Я смотрю, ты готова к балу?

Глава 15. Принц для Золушки

Кира

Я молча хлопаю ресницами, а потом делаю шаг назад так, что Рокотов вынужденно отпускает мои плечи.

— Здравствуйте, Максим Романович, — тушуюсь под его пронзительным взглядом. — Я просто хотела пофотка... пофотографироваться.

— Понятно. Как съемки?

— Все хорошо, заканчиваем.

Как приятно, оказывается, сообщить эту новость. Хотя он, скорее всего, и без меня в курсе, наверняка держит руку на пульсе. Или на шее у режиссера.

— Отлично. — Рокотов явно доволен моим ответом. — Значит, теперь ничего не мешает нам поужинать. Как насчет сегодняшнего вечера?

«Поужинать?» — офигеваю я про себя.

Он что, пропустил мимо ушей все то, что я говорила в прошлый раз? Я же четко попросила оставить наши отношения в рамках деловых. Никаких ужинов.

Ладно, я не гордая, повторяю.

— Максим Романович, давайте честно.

— Давай, — усмехается он.

— Чего вы от меня хотите?

Чувствую, как щеки заливает румянец, пока этот хам

красноречиво проходится взглядом по моим губам, потом опускается к груди, а затем еще ниже.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, чего он хочет, но я все же уточняю, еще больше краснея:

— Секса, да?

— Умная девочка. Люблю таких. Ужин в силе. Или, если хочешь, можем пропустить эту стадию. Поедем к тебе. Или ко мне. Хотя лучше ко мне, у меня в номере кровать больше.

Не то чтобы я ожидала, что он предложит декламировать стихи по очереди, но такое? И вот так — совершенно открыто, буднично. Цинично. Тактичность? Не, не слышали.

— Вы в своем уме мне такое предлагать? — уже не сдерживаясь, шиплю я.

— Что не так с моим предложением? — совершенно искренне удивляется он.

— Вы всегда прете напролом? Как танк!

— Что плохого в том, что я четко знаю, чего хочу?

Неужели он действительно не понимает?

— То, что вы даже не соизволили поинтересоваться, чего хочу я! А Я не готова и не хочу так!

— А как ты хочешь?

— Я хочу нормальных отношений с нормальным человеком!

— Я очень даже нормальный человек, — парирует Роков.

Но смотрит на меня так, словно я попросила его пода-

рить мне живого динозавра. Фраза «нормальные отношения» действует на него каким-то странным, магическим образом.

Спешу объяснить:

— То есть пообщаться для начала какое-то время. — Специально выделяю последние два слова. — Узнать друг друга получше.

— А потом секс, да? — И снова эта его ухмылка.

— Ну, — теряюсь я, — если все пойдет нормально, то да.

— Все и так нормально, — разводит руками Максим Романович. — Поэтому я тебе секс и предлагаю. Сразу. Зачем тратить время на разговоры? К тому же я и так знаю о тебе все, что мне нужно.

Мои глаза округляются еще больше, хотя кажется, больше уже некуда.

Все что нужно? За сколько? За пять минут нашего общения? Нет, ну если ему важен только размер бюста и задницы, то пять минут даже много. Понятия не имею, что он знает обо мне, но то, что знаю о нем я, мне не нравится. Может, в работе такой циничный, прямой подход и хорош, но разве можно обращаться так с девушкой? Как с вещью!

— Что вы понимаете под нормально? — прищуриваюсь я. — То, как вы меня шантажировали? Или то, как давите на меня? Или как полапали, как будто мы с вами близки? Я повторю, я не против нормальных отношений, но вот это все нормальным точно не назовешь!

Его настрой резко меняется, передо мной снова тот самый Рокотов, которого я увидела тогда, в зале агентства.

— Кира, довольно, — резко осаждаст меня он. — Ты меня хочешь, не отрицай.

— Я? Вас? Вот еще!

— Врешь.

— Не вру!

— Мне достаточно лет и у меня достаточно опыта, чтобы четко видеть, нравлюсь я женщине физически или нет. Вопрос в том, кому именно ты врешь: мне или себе.

— Да в чем я вру-то?

— В этом.

Секунда, и Рокотов стоит вплотную ко мне. Проводит ладонью прямо над вырезом декольте. Еще секунда, и мое тело отзывается на эту нехитрую ласку, покрывается мурашками от его прикосновения. Я не успеваю отшатнуться, как его левая ладонь ложится на талию, а правой он касается моей щеки, скользит по ней пальцами и дальше, в волосы.

Прижимает к себе. Собственнически.

Наклоняется к самому уху, опаляет его дыханием так, что у меня подгибаются колени, и глубоким грудным голосом шепчет:

— Я сразу понял, что ты горячая штучка. Продолжишь утверждать, что меня не хочешь? Я видел, как ты на меня смотрела. Ты сама меня пригласила. Своим поведением. Я откликнулся, только и всего.

Максим Романович резко отстраняется, и я едва не падаю. О чем он? Каким таким поведением я его пригласила? Он явно выдает желаемое за действительное.

— Хочешь подумать? — снисходительно интересуется. — Ладно. Думай. Дня два, не больше. Хотя, как по мне, все и так очевидно.

Спасибо за одолжение, блин!

— Я и через два дня дам тот же ответ, — фырчу я.

— Хватит строить из себя недотрогу. Не находишь, что это глупо? Тебе не пятнадцать, в конце-то концов. Мы взрослые люди, к чему эти экивоки? Или тебе нужны подарки? Украшения? Так не вопрос, скажи честно. Чего ты хочешь?

Круто. Как быстро я в его глазах стала проституткой. Хотя, наверное, не стала — была изначально. Офигеть, поговорили...

Меня начинает трясти, и в этот момент больше всего мне хочется только одного.

Озвучиваю эту мысль:

— Я скажу вам, чего хочу: уйдите, пожалуйста! Оставьте меня в покое!

Он делает шаг назад и всматривается в мое лицо. Зло усмехается:

— Окей, девочка. Не хочешь — не надо, заставлять не буду. Но подумай сама, когда у тебя еще будет возможность провести ночь с таким, как я. Может, хватит ерепениться? Или твой уровень — такие, как Петрушин, и кофе с ними?

Меня резко бросает в жар от его речи, но генеральному будто все равно, какой эффект на меня производят его слова.

Я отшатываюсь. Глаза наливаются слезами, дыхание сдавливает от обиды и злости. Мой уровень? Да чем я хуже него?! Тем, что не хочу начинать и заканчивать отношения сексом? Хотя какие уж тут отношения, о них и речи не идет.

Рокотов разворачивается и идет вперед, к выходу. Через несколько шагов замедляется и бросает через плечо:

— О цветах можешь не переживать. Их больше не будет.

— Так это все-таки вы их отправляли? — Голос дрожит, но мне уже все равно.

— Нет.

— А кто?

— Неважно. Главное, что этот человек тебя больше не беспокоит.

И генеральный скрывается за углом.

Я прислоняюсь к стене и пытаюсь унять охватившую меня нервную дрожь. И о цветах он в курсе, и о том, кто их отправлял. Мог бы найти вшивую секундочку, чтобы мне сказать, и я бы так не переживала! И о кофе с Игорем знает. Везде свои лапищи протянул. Гад и беспринципный чурбан!

Обида и гнев все разрастаются, затапливают меня целиком, и в итоге я даю волю слезам.

М-да. Золушка из меня вышла так себе. Однако принц и вовсе тот еще огр.

Прижимаю руки к груди и признаю: да, Рокотов нравит-

ся мне как мужчина. Даже больше. Не то чтобы у меня был богатый опыт, но до этого еще ни один мужчина не вызывал во мне такую бурю ощущений одними только объятиями и прикосновениями. Но человек он паршивый, а это самое главное.

Слава богу, съемки вот-вот закончатся, и я не буду пересекаться с генеральным, ведь в агентстве он почти не бывает.

В этот момент я и не догадываюсь, что предсказатель из меня вышел не просто плохой — никудышный.

Глава 16. Дары данайцев

Кира

Спускаюсь с трапа самолета с улыбкой на лице. Наконец-то я дома!

Позади съемки, прощание с командой, Игорем и тетей Машей.

Мне будет их не хватать. Даже Валерий попрощался со мной достаточно тепло. Не без тени легкого снобизма, конечно. Впрочем, до Рокотова ему далеко.

Стоит только вспомнить о генеральном, как настроение сразу летит в трубу.

Максим Романович появился в последний день съемок для фотосессии в честь старта рекламной компании.

На меня не смотрел, точнее, намеренно игнорировал. Он пообщался почти с каждым. Кроме меня. От него разило холодом за километр.

Я ощущала этот холод каждой клеточкой своего тела, пока была вынуждена стоять рядом во время вспышек фотокамер. И за малым не дернулась в тот момент, когда он положил ладонь на мою талию. Внешне-то он улыбался, да и мне пришлось. А у самой все внутри переворачивалось, ведь в памяти то и дело всплывали его колкие, злые слова. Хотелось его отпихнуть, а не стоять и мило позировать.

Когда фотограф закончил свое дело, Максим Романович

словно растворился в воздухе. Раз — и его уже нет.

Только тогда я выдохнула с облегчением. Правда, рано.

Через пять минут он снова появился и направился прямо ко мне.

— Кира, тебе как лицу рекламной компании предстоит еще пара бесед с журналистами по прилету домой. Надеюсь, ты понимаешь, как себя вести?

— Как? — нахмурилась я, не совсем понимая, о чем он.

— Как лицо рекламной компании, — раздраженно повторил он. — Создавать положительный образ, хвалить нашу продукцию.

— Ясно. — Я кивнула, однако не удержалась и съязвила: — Очень сложно хвалить продукцию, которой не пользовался, знаете ли.

Несколько приборов на съемках не в счет. Там я скорее делала вид, что пользуюсь ими, чем пользовалась на самом деле.

— Но я постараюсь, разумеется, — добавляю спешно.

— Постарайся.

И генеральный ушел. Больше я его не видела.

Надеюсь, и не увижу его надменную физиономию. Высокомерное хамло!

Спустя полчаса я выхожу из здания аэропорта и тащу за собой чемодан. Колесики громко шуршат по асфальту, а я вожу пальцами по экрану смартфона. Вызываю такси.

В это время приходит сообщение от банка, и я удивленно

распахиваю глаза.

Вся сумма за работу разом. В том числе обещанная Рокотовым премия.

Ну, хоть тут генеральный не оплошал. Завтра утром съезжу к маме, обрадую ее. Хотела сегодня, но она на дне рождения у тети Вали. Так даже лучше — будет время нормально пообщаться и все обсудить.

Хорошо, что сейчас вечер пятницы, и на работу только через два дня. Очень хочется выспаться.

Ежусь. Но не от холода, а от мыслей о том, что меня ждет в офисе в понедельник. Как встретят? Ну, Танька-то нормально, а вот модели? Отошли или все еще злятся?

Наконец такси подъезжает, и я еду домой.

По пути решаю почитать новости, вдруг уже вышли рекламные постеры. Набираю в поисковике «Холдинг „Империял“» и едва не роняю телефон от первой попавшейся на глаза статьи.

В центре — я и Рокотов с рукой на моей талии.

Кричащий заголовок: «Владелец холдинга „Империял“ замечен в компании стройной красотки!»

Ну, про красотку они, конечно, приврали, но я и правда очень хорошо получилась на этой фотографии — стилисты постарались. Читаю дальше. Дифирамбы, дифирамбы, дифирамбы... Не мне, конечно.

Про меня всего несколько слов: «Очередная охотница за состоянием Максима Рокотова».

Чего-о?! Это я-то охотница?

Я в бешенстве выключаю экран телефона и пихаю его в сумку. Вот сволочи! Да на фиг мне не сдалось его состояние, как и он сам! Лишь бы сплетни развести и привлечь внимание очередной сенсацией. Хоть бы подумали чуть-чуть, прежде чем писать такое!

Интересно, генеральный уже видел эту статью? Хотя ему, скорее всего, плевать на то, что пишут. Не его ведь грязью облили. Не ему смотреть в глаза соседям и девочкам на работе. Ведь как пить дать не поверят, что это все враки! Ох, чую, после такого мне нормального приема в агентстве и ждать не стоит.

И мама... Не дай бог увидит эту статью.

Она у меня не особо интересуется светскими новостями, но вполне может следить из-за меня. Конечно, ей я все объясню, но что насчет остальных?

Такси тормозит у моего дома, и я выхожу из машины. Открываю дверь подъезда и все еще киплю от гнева. Ну почему каждый раз, когда всплывает фамилия «Рокотов», у меня появляются проблемы? Его даже рядом нет, а он все равно умудряется испортить мне жизнь.

Я с силой дергаю ручку чемодана на очередной ступеньке, и та с корнем выдирается.

Черт! Пинаю несчастный баул и закусываю губу.

Через минуту закатываю его в квартиру и хлопаю за собой дверь.

Надеюсь, больше сюрпризов не будет. По крайней мере сегодня. Хватит с меня.

Я топаю в душ, чтобы хоть немного освежиться после дороги, а перед глазами то и дело всплывают те строчки из статьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.